Ирина Семина
Эльфика
Большой подарок от Эльфики
Лучшие сказки о Судьбе, Любви и Жизни

Эльфика

Ирина Семина

Большой подарок от Эльфики. Лучшие сказки о Судьбе, Любви и Жизни

«АСТ»
2016

УДК 159.9
ББК 88.52

Семина И. К.

Большой подарок от Эльфики. Лучшие сказки о Судьбе, Любви и Жизни / И. К. Семина — «АСТ», 2016 — (Эльфика)

ISBN 978-5-17-111155-7

Когда кажется, что в мире не осталось больше света, любви и радости, когда кажется, что вокруг только тревоги, вражда и страдания, – откройте книгу волшебницы Эльфики. Погрузитесь в реальность ее удивительных сказок, и вы увидите, что мир полон жизни и надежды, что тьма и страхи – это лишь видимость и у каждого из нас есть силы, чтобы идти вперед и менять и свою жизнь, и мир вокруг себя к лучшему.

УДК 159.9
ББК 88.52

ISBN 978-5-17-111155-7

© Семина И. К., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Женщина с планеты любви 6
Еще до начала 6
Фея и Принц Дождя 9
Обман 13
История о космической любви 17
Кошки на окошке 23
Большая Любовь и я 27
Кошачье мнение 31
Альбатрос и Надежда 36
Гвоздь 41
Иди и свети 44
Кошачий комплекс 48
Сказка о двоих 55
Усыпляющая сказка 58
Временные трудности 64
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Ирина Константиновна Семина Большой подарок от Эльфики. Лучшие сказки о Судьбе, Любви и Жизни

© Семина И., 2016
© Плаксина Е., иллюстрации, 2016
© Shutterstock / AllNikArt, иллюстрации, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Женщина с планеты любви
Теплые сказки о любви, цветах и кошках

Еще до начала

Когда тебе невыносимо одиноко…
когда тоска накрывает тебя своим черным крылом…
когда позади – руины, а впереди – туман…
когда вся душа в ранах, а сердце разбито…
когда ты понимаешь, что любовь почему-то
обходит тебя стороной…
когда в голове крутятся печальные слова
«навсегда» и «больше никогда»…
когда робкую надежду все чаще сменяет
горькое отчаяние…
когда поздним вечером, стоя у окна,
ты ощущаешь себя на краю бездны…
когда ты уже почти уверилась, что никто
не может тебе помочь…
…просто подними глаза к небу, и ты увидишь Звезду.

Возможно, ты увидишь много звезд, но эту ты отличишь сразу – по мягкому сиянию, по едва уловимому теплу, по тонкому лучику света, который она протянет тебе, словно руку помощи. Знай, что это твоя Счастливая Звезда.

Да-да, та, под которой ты родилась. И если ты не испугаешься и не скажешь себе поспешно, что «это невозможно», если ты действительно хочешь получить помощь – прислушайся, и ты услышишь ее голос.

Неважно, сколько тебе лет – пятнадцать, двадцать пять или пятьдесят, не имеет значения, как ты выглядишь, чем занимаешься и что предпочитаешь. Важно только одно:

ты – Женщина с Планеты Любви.

Даже если ты абсолютно, космически одинока, даже если ты кого-то потеряла, и эта потеря кажется невосполнимой, если отношения приносят одни разочарования, если ты в сердцах решила: «Да ну ее, эту любовь, и без нее можно прожить!» – даже если ты уже попрощалась с мечтами о ней – все равно ты Женщина с Планеты Любви. Ты удивлена? Ты не можешь в это поверить? Ты вообще не знаешь, где расположена такая планета?

А теперь – хорошая новость: ты можешь отправиться туда прямо сейчас. И сопровождать тебя будет очень приятная компания: Женщина, Сирень, Кошка и Счастливая Звезда.

Ты готова? В добрый час!

* * *

Их было трое – Женщина, Кошка и Звезда. Впрочем, нет – все-таки четверо: четвертым персонажем было дерево. Женщина сидела в кресле, Кошка лежала на подоконнике, а Звезда заглядывала в окошко, повиснув на ветвях старой раскидистой Сирени. Они беседовали.

– Мне грустно. Я больна хроническим одиночеством, – пожаловалась Женщина.

– Это временно, – утешила ее Сирень. – У меня тоже бывает Осень, и тогда кажется, что все кончено. Потом приходит Зима, похожая на смерть. Но я знаю, что после нее вновь наступит Весна, и я обязательно расцвету. И ты тоже. Повтори!

– Ты обязательно расцветешь, – послушно повторила Женщина. – И я тоже…

– Она сама себе не верит, – прокомментировала Кошка. – Она давно уже не верит в любовь.

– Напрасно, – сказала Звезда. – Впрочем, Любовь существует независимо от того, верят в нее или нет.

– Она существует в одном пространстве, а я в другом, – сказала Женщина. – Мы с ней вещаем на разных частотах.

– Тогда все просто, – сказала Звезда. – Нужно настроиться на нужные частоты и совместить пространства.

– А как?

– Поговорим о Любви, – предложила Сирень. – Наверное, каждой из нас есть чем поделиться.

– О да! Я знаю о Любви практически все, – сказала Звезда.

– Я знаю о Любви очень многое, – промурлыкала Кошка.

– Я не знаю о Любви почти ничего, – созналась Женщина. – Да, вы правы! Давайте-ка поговорим о Любви.

– С тебя история! – потребовала Сирень.

– Она будет грустной. Очень, очень грустной, – предупредила Женщина. – Я расскажу вам о Фее и Принце Дождя.

Фея и Принц Дождя

В ее душе сияло солнце, плескалось море, порхали разноцветные бабочки и буйно цвели дивные цветы. Глядя на нее, людям хотелось смеяться, танцевать и любить жизнь. От нее шло такое тепло, что каждый мечтал подойти поближе и хотя бы прикоснуться к краешку ее одежды – на счастье.

В его душе шел дождь, клубились хмурые тучи, время от времени сверкали молнии и рокотал гром. Он тоже притягивал людские взгляды, как грозное и прекрасное явление природы, но приближаться к нему не хотелось – хотелось держать дистанцию.

Она была Феей Цветов из Страны Вечного Лета, а он был Принц Дождя.

Однажды он увидел ее – и уже не смог оторвать глаз. Он увидел в ней то, чего не было в его холодном мире, – солнце, тепло и цветение. И его неудержимо потянуло туда, на ее солнечные поляны, где летают стрекозы, журчат ручьи и пахнет медом и лесными ягодами.

Разумеется, они встретились и познакомились – Принц Дождя, закаленный суровыми условиями своей страны, умел быть настойчивым и добиваться поставленных целей.

Фея еще никогда не видела человека, настолько промокшего и продрогшего внутри (а она, как истинная Фея, умела видеть гораздо глубже, чем можно разглядеть беглым поверхностным взглядом). «Бедный, как же он живет там, в своей Дождливой стране – без тепла и солнышка, и главное – без цветов? – подумала она. – Его душа совершенно замерзла… Ах, мне так хотелось бы ему чем-нибудь помочь, дать ему хоть немного отогреться!»

И она распахнула ему навстречу свою душу и пригласила Принца Дождя в свой чудесный мир. Разумеется, он принял приглашение – он был очень решительным, этот Принц Дождя. И они полюбили друг друга.

Это было восхитительное время! Принц Дождя впервые попал в Страну Вечного Лета и стремился исследовать каждый ее уголок, насладиться всеми ее чудесами. Ему впервые было тепло, он смог даже скинуть свой непромокаемый плащ: теперь не надо было защищаться от непогоды с помощью зонтика – ведь в Стране Вечного Лета всегда солнечно. Впервые за свою жизнь Принц Дождя смог забыть о напряжении.

Они бегали по зеленым лугам, купались в горных водопадах, строили замки из золотого песка, кормили с руки единорогов и засыпали, утомленные, прямо на берегу, под крупными звездами.

Так продолжалось долго, и они были по-настоящему счастливы.

Но однажды Принц засобирался домой.

– Разве тебе плохо в Стране Вечного Лета? – удивилась Фея.

– Очень хорошо. Но ты забыла, что я – Принц Страны Дождя, и государственные дела требуют моего присутствия, хотя бы иногда.

– Я понимаю, – кивнула Фея. – Тогда возвращайся поскорее, хорошо?

– Я вернусь, – пообещал Принц. – Как только смогу себе позволить…

…Теперь они встречались только время от времени. Он приезжал из своих холодных краев, весь окоченевший и промокший, и Фея с новыми силами отогревала его, отпаивала чаем с малиной и смородиновым листом, выслушивала его рассказы о дальних странствиях, обнимала и прижималась к его плечу… И это было счастье.

– Я так хотела бы, чтобы ты забрал меня с собой, – однажды вырвалось у нее.

– Не получится, – с сожалением вздохнул Принц. – В моей стране всегда идут дожди, бушуют грозы и ураганы, и там нет никаких цветов. Разве ты могла бы жить в таком месте?

– Без цветов? – испугалась Фея. – Нет, конечно! Но ты мог бы поселиться тут, у меня. Здесь очень просторно, хватит места для нового государства.

– Мне бы со старым разобраться, – вздохнул Принц. – Пусть в моей стране холодно и сыро, но это моя страна, и я – ее правитель. И я ее люблю, понимаешь?

– Да, – печально кивнула Фея. – Я понимаю…

– Но тебя я тоже люблю… И знаешь что? Давай попробуем. Будем жить вместе… Только не тут и не там, а где-нибудь посередине.

Разумеется, Фея была очень рада. Конечно, это было не предложение руки и сердца, но уже то, что они смогут быть вместе, грело ей душу.

Они поселились в большом красивом городе, и Фея сразу принялась наполнять их новый мир тем, что любила, – цветами, солнцем и красотой. Уж таков был ее волшебный дар – украшать мир уже одним своим присутствием.

А Принц… Наверное, никто бы не обрадовался, если бы он принес в город грозы, ураганы и проливные дожди, так что он и не пытался. Он просто был рядом с Феей, и она была счастлива. От ее счастья вырастали чудесные цветы, а в садике рядом с их домом с утра до вечера пели птицы, и даже старые пеньки в восторге давали свежие побеги.

Фее было некогда скучать. У нее было множество дел – ведь ее волшебство было очень востребовано, все мечтали, чтобы она прилетела, озарила все своим чудесным светом, украсила пространство цветами и наполнила своей любовью. И она с удовольствием делала это – ведь для этого и существуют феи, чтобы творить волшебство!

Может быть, поэтому она не сразу заметила, что Принц как-то заскучал. Нет, он по-прежнему был с ней, терпеливо дожидался ее из полетов, по-прежнему обнимал ее и любил, но…

– Я должен уехать, – однажды сказал он.

– Хорошо, я буду ждать, возвращайся поскорее!

– Нет, ты не поняла. Я уезжаю насовсем. В свою страну. Теперь я буду жить там.

– Что случилось? – встревожилась Фея. – Война? Наводнение? Бунт?

– Нет, нет, ничего такого. Все в порядке. Просто… Просто мне нужно домой, вот и все.

– А как же я?

– Я тебя по-прежнему люблю. Я обязательно буду приезжать. Время от времени.

– Но как же наш дом, наш сад, наши цветы? Как же этот замечательный город, к которому я уже успела привыкнуть? Мы же вместе захотели тут жить, а теперь я остаюсь одна…

– Возвращайся и ты домой, в свою Страну Вечного Лета, – сказал Принц. – Я буду часто тебя навещать. Ничего не изменилось, просто…

Он многое мог бы сказать. Например, что ему стало скучно, потому что он привык жить среди непогоды, бороться и преодолевать, побеждать и радоваться очередной победе, а в ее безмятежном солнечном пространстве для битв не было ни места, ни повода. Он мог бы сказать, что ему не хватает молний, громовых разрядов – тех бешеных страстей, которые сопровождают грозу. Он мог бы сказать, что соскучился по ливням, – ведь он с детства привык к воде, струящейся с разверстых небес, и теперь стал засыхать. Он мог бы сказать, что ему, оказывается, не нужно столько солнца… Но он знал, что ей будет больно это слышать, и поэтому сказал совсем другое.

– Проводи меня, – попросил он. – Для меня это важно – знать, что ты не сердишься.

– Я не сержусь, – тихо сказала Фея. – Конечно, милый, я провожу…

Он не стал дожидаться утра и решил ехать с вечерним экипажем. Уже стемнело, зажглись фонари, а небо было затянуто облаками – ни звезд, ни луны… Мир словно померк – именно так и было сейчас на душе у Феи…

Принц сел в экипаж, дверца захлопнулась, дрогнула занавеска… Шестерка коней перебирала ногами, готовясь увезти ее Принца надолго, может быть, навсегда.

– Все будет хорошо, моя прекрасная Фея! – нежно сказал он ей на прощание. – Я обязательно приеду. Ты жди!

Он еще не уехал, а она уже ждала. Ей хотелось закричать, остановить его, обнять и никуда не пустить. Ей хотелось сказать, что он ей очень нужен, что ей хочется дарить ему тепло, согревать его тело, сделать так, чтобы высох вечный дождь в его душе и там засияло солнышко. Но она знала, что если мужчина принял решение, то останавливать его бессмысленно, поэтому она ничего не сказала. Она почувствовала на щеке что-то теплое и нежное. Это капнула слезинка, потом еще одна и еще… И тогда пошел дождь – ведь всем известно, что, когда феи плачут, начинается дождик.

Фея вовсе не хотела огорчать его своими слезами. Она просто повернулась и пошла прочь, обратно в свой мир, к своим цветам и водопадам, ждать возвращения своего Принца Дождя.

– Мама, мама, тетя плачет? – спросил какой-то малыш, глядя ей вслед.

– Что ты, дорогой, конечно, нет! – ответила ему мама. – Тетя – Фея, разве ты не видишь? Она рассыпает цветочные лепестки, чтобы мир был красивым!

…Фея роняла слезы, и они действительно тут же превращались в лепестки, за ней тянулась серебристая дорожка, и казалось, что она идет не по мокрому тротуару, а по Млечному Пути.

– Мама, а долго еще будет дождик? – не унимался малыш.

– Нет, конечно! Дождик скоро кончится, и утром снова будет солнышко, – уверила его мама. – Пока в мире есть феи, все будет хорошо!

Фея помахала малышу рукой и улыбнулась сквозь слезы, и ее улыбка отразилась на небе мелькнувшей меж облаками серебряной луной.

* * *

– Вот такая печальная история, – закончила Женщина.

– Напротив – чудная история, – возразила Сирень. – Мне понравилась.

– Но они же расстались! – воскликнула Женщина. – Это же совершенно ясно, что они расстались! Сначала он еще будет приезжать. Потом все реже, реже… А потом он женится на какой-нибудь Дождливой Принцессе, и тогда уже совсем все! Она уже не сможет его любить.

– Почему же не сможет? – удивилась Сирень. – Кто ей помешает?

– Иногда бывает, что люди не могут быть вместе – по разным причинам. Но Любовь – если она настоящая! – не знает ни времени, ни расстояний, – сказала Звезда.

– Ах, да была ли она настоящей? – с горечью произнесла Женщина. – Ведь он ее, по сути, обманул. Сначала заставил ее полюбить себя, а потом…

– А это еще как посмотреть, – сказала Кошка. – Если бы эту историю рассказывал Принц, она выглядела бы совершенно по-другому. Я уверена!

– Да-да, – поддержала ее Сирень. – Так всегда и бывает. Когда ожидания не сбываются, каждый стремится обвинить в этом другого, укоряя его в обмане.

Обман

ОНА

Мое сердце разбито. Он меня обманул. Он втерся в мое доверие, проник в мою жизнь, просочился в мое пространство, и в душу тоже пролез! Он украл мое сердце, а теперь…

Да он мне и не нужен был, у меня и так было все: цветы, поклонники, вполне устроенная и очень интересная жизнь! Ну, не было у меня постоянного спутника, но это потому, что я сама не хотела! Зато выбор всегда был – ого-го! А он… Нет, сначала я его даже не разглядела. Ничего выдающегося, мужчина как мужчина, пятачок за пучок. Но он оказался настойчив. Он так за мной красиво ухаживал! Цветы, подарки, комплименты…

А мне было не до него – я существо творческое, меня мои проекты больше занимали. Я всегда такая спонтанная – туда лечу, сюда лечу… Меня дома застать – это еще постараться надо, у меня свободного времени – три минуточки в день. И как ему удалось за них зацепиться???

И вот уже, не знаю как, все чаще я лечу – и он рядом. А если не рядом, то звонит. И так он меня к себе приучил, что я его, наконец, разглядела. И оказалось, что он очень даже ничего! В целом, симпатичный, с чувством юмора, к тому же щедрый, с широкой душой, и чувствительный такой…

Наверное, были и какие-то недостатки, но я не вникала. Сначала недосуг было, а потом уже не хотелось. Потому что я влюбилась!!! Как девчонка, хотя возраст у меня уже далеко не такой юный… Теперь уже мне хотелось, чтобы он все время рядом был. Привыкла я к нему. Сама не заметила, как стал он мне такой родненький, что слезы наворачиваются. И тут я вообще стала в нем находить все новые замечательные черты. Оказывается, он такой, такой! И этот его восхищенный взгляд, и внимание… Шубку подаст, дверцу откроет, капризы исполнит, слезки утрет. Мечта, а не мужчина!

А вместе жить – это я предложила. Потому что я к тому времени уже точно знала, что встретила своего Идеального Мужчину. Я была удивлена: ну как это я сразу не заметила, что

это мой мужчина, мой, от кончиков ногтей до кончиков волос! Вот тогда я и сказала: «ДА!!!» Да нет, не ему – себе. У меня открылись глаза, и наконец-то я себе позволила любить. Безоглядно, беззаветно, бесстрашно! Так, чтобы рука в руке, душа в душу, глаза в глаза, чтобы никогда не расставаться, чтобы мы проросли друг в друга и стали единым целым!!!

Это было чудесно, восхитительно, великолепно! Мы оба были разведены, нас ничто не держало. Мы поселились вместе, и я стала с упоением обустраивать наше семейное гнездышко.

Я умею создавать уют буквально из ничего, я в этом вопросе – ас, тем более если есть для кого стараться. А какие изысканные блюда я ему готовила!!! Я перестала метаться, я обрела смысл жизни! Как мне нравилось о нем заботиться… Варить ему борщи, гладить его по голове, засыпать на его плече… Я буквально молилась на него, на воплощение моего Идеала на сияющем пьедестале.

Но счастье длилось недолго, всего каких-то пару лет. Потому что он меня обманул. Он стал сбегать. Не знаю, куда – в свою жизнь, где меня не было. Сначала изредка, потом все чаще, а потом… Потом я вдруг поняла, что мы проводим вместе не так уж много времени. Он говорил, что любит меня и хочет быть рядом, но… Какая же это любовь, когда сбегают?

Разумеется, я пробовала с ним поговорить. Но он только вздыхал, иногда морщился, как от зубной боли, а потом долго уговаривал меня, что на самом деле все хорошо, что я себя накручиваю и сгущаю краски. Но я же ничего не сгущала, я пыталась выразить свои чувства! Разве я не имела на это права? Нет, он никогда не ругался со мной и даже, по-моему, не обижался, но… Я-то обижалась. Я стала раздражительной и невеселой, и свет любви стал меркнуть. Сияние тускнело, тускнело, и вот однажды… Я взглянула на него – и озадачилась: что я делаю рядом с ним?

Обычный мужчина, пятачок за пучок. Совсем не то, что мне нужно. Не идеал. Нет-нет, совсем не Идеал!

И тогда я развенчала его, сбросила с пьедестала… Да, мне было больно и жалко, я тогда много плакала, но это надо было сделать, потому что я начала разрушаться. Лучше сейчас будет больно, чем потом – смертельно.

Сейчас я снова одна. Моя жизнь не закончилась: у меня есть любимая работа, родные и близкие, друзья и любящая душа. И только один вопрос мучает меня: «Почему, почему, почему он меня обманул???»

ОН

Сейчас я один. Зализываю раны. Нет, ради бога, никаких отношений. Сейчас – точно нет. Может быть, потом. Пока что мне надо подумать и осмыслить предыдущие. И ответить себе на вопрос: «Как это она меня так ловко обманула?».

…Я увидел ее – и обомлел. Какая женщина! Не какая-нибудь юная дурочка или молодящаяся матрона, а настоящая, зрелая, красивая женщина, яркая и в то же время нежная, загадочная и стремительная – просто мечта, а не женщина.

Добиться ее было непросто. Она все время была чем-то увлечена, куда-то стремилась, что-то творила. Такая творческая натура, воздушная, словно бабочка в полете! Во мне стала просыпаться забытая нежность – хотелось оберегать ее, защищать, быть рядом. Но для начала надо было хотя бы обратить на себя ее внимание. Цветы, подарки, комплименты – в ход был пущен весь мужской арсенал. Иногда мне удавалось произвести впечатление, иногда – не очень, но это еще больше меня подстегивало.

Во мне проснулась удаль молодецкая – такой женщины стоило добиваться! А больше всего меня привлекало, что ее придется добиваться каждый раз заново – и так всю жизнь, в этом был особенный драйв… В общем, далеко не сразу, но мне как-то удалось зацепиться и упрочить свои позиции.

Все чаще она куда-нибудь летит – и я рядом. Или звоню ей по телефону. И она, вроде бы, уже более благосклонна, не против. Мы стали встречаться, и я сам себе удивлялся: на каждую встречу лечу как мальчишка! Сердце бьется, адреналин хлещет! И ведь не перестает она меня восхищать – каждый раз вижу в ней что-то новенькое, загадку какую-нибудь, и так хочется ее разгадать!

Вместе жить – это она предложила. У меня аж дух захватило. Внутренняя свобода – вот что меня в ней привлекло. Обычно одинокие женщины за свободного мужика цепляются мертвой хваткой, даже если внешне не показывают – по глазам видно, уже все прикинула и просчитала, вплоть до «они жили долго и счастливо и умерли в один день». А она – нет. Я четко осознавал, что ей хорошо со мной, но хорошо и без меня. И потому мне хотелось изобретать все новые штучки, чтобы она остановила свой полет и оценила меня по достоинству. Ну вот, она оценила, и стали мы жить вместе.

Поначалу было все хорошо – то, о чем я и мечтать не мог. Такая женщина – и моя! По улице иду – чувствую себя хозяином мира, горы свернуть могу. Для дома что-то добываю – душа поет, это ж для нее, для нас…

Но!!! Вскоре все как-то меняться стало, причем в нехорошую сторону. Не знаю, как бы это объяснить… в общем, ее стало слишком много. Вот сейчас скажете: «Сволочь, то ему надо, то ему много!» Но как бы это поточнее выразить… Понимаете, ее становилось все больше, а меня все меньше. Я это просто физически ощущал. **Она заполняла меня изнутри.** Страшное ощущение, скажу вам… Разрушительное. Бежать хочется, причем немедленно и подальше.

Нет, мне ей предъявить, по сути, нечего. Дома – уют и чистота, она по-прежнему красавица, постоянно кормит меня какими-то невообразимыми блюдами, и никаких полуфабрикатов, все своими руками… И смотрит на меня так, как будто я и не человек, а статуя работы Микеланджело, или что-то в этом роде. В общем, красиво, но не я.

Каюсь: я стал отодвигаться. Нет, другой женщины у меня не было. Просто старался организовать свою жизнь так, чтобы время от времени вырываться в другое пространство. Туда, где ее не было, где я снова был я. Я любил ее. Я пытался объяснить ей это, но она не слушала. Потом я понял: говорить с ней бесполезно. Эти уж творческие натуры: придумают себе красивое шоу, а потом удивляются, почему неправдоподобно выходит. Она меня, похоже, сильно идеализировала, да. Но я-то не идеал, совсем не идеал!

Я продолжал дарить ей подарки, приносить цветы и заботиться о ней. Мне вовсе не хотелось рвать отношения, хотелось просто развести ее и меня по отдельности, выставить какие-то границы. Она обижалась, пыталась вызвать меня на ссору, но я на провокации не велся. Не хотелось мне портить то, что было. Я пытался объяснить, что на самом деле все хорошо, что она себя накручивает и сгущает краски. Что наши отношения могут быть великолепными, если чуть-чуть отступить и отпустить. Как говорил поэт, «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье». Но какое там «расстояние»??? Тут даже не «вплотную», тут уже «насквозь».

И однажды случилось то, что давно назревало. Мы расстались. «Я развенчала тебя, мой герой, – сказала она. – Я сбросила тебя с пьедестала…» – «А зачем меня туда было ставить?» – хотелось мне спросить, но я не стал. «Зачем, зачем»… Видать, надо было. Наверное, она без этого не может. «Ты меня обманул!» – сквозь слезы говорила она. А я смотрел на нее и думал: «Ты меня тоже обманула. Я полюбил ту, летящую, с сияющими глазами, недосягаемую, далекую, которую надо добиваться вновь и вновь. Но где она, та, недоступная? Теперь впору самому уходить на бреющем, иначе мне хана…» Я видел, что ей плохо, что я назначен источником ее несчастий, и я ушел. Пусть будет так…

Сейчас я один, зализываю раны. В принципе, все нормально. И только один вопрос мучает меня: «И как это она меня так ловко обманула???»

* * *

– Никогда не строй ожиданий, – посоветовала Кошка. – Тогда каждое событие будет просто событием, а не крушением надежд.

– Всегда стремись понять другого человека, – сказала Сирень. – Когда ты поймешь его, сможешь и простить.

– И не уставай благодарить за те чудесные мгновения, которые дарят отношения, – добавила Звезда. – Не грусти о том, что не сбылось, благословляй то, что было. Я расскажу совсем другую историю – о том, какой бывает Истинная Любовь.

История о космической любви

Скиталец. *Всемирная сеть многообразна и неисчерпаема, как Космос. Но этот Космос уже вполне освоен. В разных его уголках одновременно происходят миллионы событий, разговоров, встреч и расставаний. Находят друг друга «Одноклассники», чатится офисный планктон, открываются и закрываются страницы сайтов и блогов, на износ работают разные поисковики.*

На просторах Нета в разных направлениях одновременно движутся тысячи, миллионы «космических кораблей» с самыми разнообразными названиями-никами, в каждом из которых – пилот. Какой-нибудь Иванов Иван Иванович, почесывая пивной животик и сверкая обширной лысиной, летит по Космосу Интернета на посудине с гордым названием «Мачо-Мэн», и встречные «Кисуни» и «Конфетки» пищат от мужественных очертаний его корабля.

Иногда траектории кораблей пересекаются, и тогда происходит Нечто. Может быть, просто обмен информацией. Может быть, аннигиляция. А может, Взрыв Сверхновой. Они ищут друг друга, эти корабли. Ищут те, что настроены на их частоту. Жадно ловят сигналы. И летит, летит в просторы Вселенной вечный призыв Аэлиты: «Где ты, где ты, где ты, Любовь???»

Она завороженно, несколько раз, прочитала запись.

Она и сама не могла сказать, как оказалась в блоге этого человека. Возможно, привлек его ник. Он называл себя Скиталец, и в этом имени было что-то тревожащее и притягательное. А может быть, их свела сама Сеть – кто знает, каковы возможности и причуды Космоса?

Когда она прочитала его размышления о Всемирной Сети, сердце ее на миг замерло, потому что она думала точно так же. Это были и ее мысли.

А когда она увидела имя «Аэлита» – дыхание вообще перехватило, потому что в Сети ее маленький кораблик назывался именно так. «Аэлита» – вот кто она была в Сети. Это не могло быть случайно. И она ему написала – послала направленный сигнал через холодное и бесстрастное космическое пространство. «Скиталец» ответил сразу.

Связь в виртуальном пространстве Интернета гораздо быстрее и надежнее, чем в реальном Космосе. И даже чем в реальной жизни. Через тысячи километров с запредельной скоростью несется импульс, соединяющий людей. На миг, на какое-то время – или даже навсегда. Непостижимы пути Интернета.

Они не думали о том, на какое время установлена связь между их хрупкими скорлупками – «Аэлитой» и «Скитальцем». Им было просто хорошо вместе.

Им было интересно разговаривать, обсуждать разные темы, спорить и соглашаться. Они рассказывали друг другу о разных интересных местах, которые попадались им на трассах Интернета, и давали ссылки, чтобы потом можно было сравнить впечатления.

Он любил горы, море, походы и экстрим. Он рассказывал ей о дальних странах – о рафтинге в Непале, о дайвинге на Красном море, о виндсерфинге на Гавайях, и еще о прочих «… ингах», которые она знала только понаслышке. Он присылал ей чудесные картинки. От Скитальца она узнала о мире больше, чем за весь школьный курс географии.

Она посылала ему стихи, которые ей нравились, и всякие смешные истории из жизни. Он веселился и просил еще.

Постепенно у каждого складывался образ человека на другом конце связующего луча. Аэлита видела Скитальца: высокого, сильного, загорелого, с открытой улыбкой, выгоревшими на солнце волосами и рюкзаком за спиной. Скиталец видел Аэлиту – подвижную, веселую хохотушку со смеющимися глазами и невероятной способностью все подмечать, находить забавные истории и смешно переиначивать слова.

Наверное, они придумывали друг друга. Но придуманные образы становились все более зримыми и ощутимыми, они как бы обрастали плотью.

Скиталец. *А какие качества ты ценишь в мужчинах?*

Аэлита. *Надежность. Ответственность. Силу. Решительность. И чувство юмора! А тебе что нравится в женщинах?*

Скиталец. *Нежность. Доброта. Понимание. Романтичность. И тоже чувство юмора!*

С чувством юмора у обоих и так было в порядке. А остальные качества хотелось немедленно начать развивать и усиливать – ведь они очень ценили мнение друг друга.

Иногда их общение прерывалось – и Скиталец, и Аэлита все-таки жили в Реале, который требовал от них участия и присутствия. Но после вынужденной разлуки их встречи в Нете были еще более радостными и горячими – им не хватало этих разговоров, и в Реале никто не понимал их так, как здесь.

Были вещи, о которых они не разговаривали по умолчанию. Возраст и семейное положение – это было лишнее. Это было бы уже слишком реально. И, наверное, испортило бы с такой любовью вылепленные образы Скитальца и Аэлиты.

Конечно, оба они в глубине души ждали, что рано или поздно прозвучит предложение о встрече в Реале. Ждал – и боялся. Потому что очень трудно, почти невозможно соответствовать Идеальному Образу. И потому что каждый из них знал, что ответит отказом. Однозначно. Каждый по своим причинам. Впрочем, шло время, а никто из них не делал этот шаг, и связь продолжалась.

Скиталец. *Как ты думаешь, зачем мы приходим в эту жизнь? Какова цель?*

Аэлита. *Я думаю, чтобы любить. Не то чтобы найти любимого, хотя и это тоже, а вообще – любить. Каждый свой день. Каждый свой пальчик. Каждого человека, который приходит в нашу жизнь. И радугу после дождя, и гусеницу на ветке. Ты согласен со мной?*

Скиталец. *А мне кажется, что жизнь – это такая игрушка-квест. Сначала попадаешь на самый простой уровень, осваиваешь правила игры. Если научился – переходишь на более сложный уровень. Там ищешь всякие артефакты, собираешь монетки, получаешь Силу, уничтожаешь Зло. Если хорошо сыграл – можешь получить дополнительную Жизнь. А если где-*

то прокололся – можешь потерять Жизнь. И с каждым уровнем все сложнее, пока не закончится Игра.

Аэлита. Тогда почему же Игра для многих заканчивается так рано?

Скиталец. *Я же говорю – надо все время совершенствовать способы Игры. И изучать Правила. Запасные Жизни есть, но их количество конечно. Исчерпал – Игра закончена. Начнешь в другое время. Впрочем, в Игре может появиться какой-нибудь Маг, который тебе поможет в самую трудную минуту. Подарит тебе еще одну Жизнь!*

Аэлита. Хорошо бы и в Реале так! А то ждешь-ждешь, Зла полно, а Маги где-то заблудились.

Скиталец. *Если Мага нет – что ж, уничтожай Зло сам.*

Аэлита. *Мне не нравится уничтожение в любом виде. Даже если это Зло в компьютерной игрушке. Это все равно разрушение! Скажешь, что нет?*

Скиталец. *Ты не понимаешь. Игра есть Игра, в ней есть и Добро, и Зло. Ты можешь играть даже на стороне Зла – если хочешь. Ведь что такое Зло? Это Добро-с-Кулаками, которое слишком увлеклось Игрой.*

Аэлита. *Ты меня запутал! Не хочу я никакого Зла. Я хочу Любви!*

Скиталец. *А Любовь есть во всем. Даже в Зле.*

Аэлита. *Нет, нет, нет! Не может этого быть. И ты так не думаешь. Ты просто меня дразнишь!*

Иногда они ссорились, а потом мирились. Потому что им не хотелось разрушать их отношения – даже во имя Добра.

Однажды ей пришлось прервать связь без предупреждения – ее присутствие требовалось в Реале. В больницу, где она работала хирургом-кардиологом, привезли подростка шестнадцати лет со сложным пороком сердца. Оперировать было опасно, шансы на успех – приблизительно процентов двадцать. Да, пожалуй, не больше. Назначили консервативное лечение, тянули время. Но, в общем, все понимали – парень обречен.

Его мама сутками сидела в отделении, точнее говоря, не сидела – выполняла обязанности санитарки. Не только для сына, для всех. Выносила утки, поправляла подушки, подносила больным попить. Ни о чем не просила, только смотрела на врачей глазами, в который застыл немой вопрос.

Врачи старались взглядом с ней не встречаться – чтобы она случайно не прочитала ответ. Ответ был отрицательным.

Вечером, придя домой, Аэлита включила компьютер. Ей срочно требовалось поговорить со Скитальцем. С умным, добрым и сильным мужчиной, который всегда знал ответы на все вопросы. Который умел ее поддержать. Который вносил ясность в любую путаницу.

Но Скитальца в Сети не было. И сообщений никаких не было. Он иногда исчезал вот так, внезапно. Но сейчас – это было просто нечестно! В тот момент, когда он ей так нужен! Аэлита еще немного рассеянно побродила по Интернету, но мысли ее были далеко – там, с умирающим мальчиком.

Она вернулась к своей переписке со Скитальцем, почитала их спор про Игру. Да, она была согласна на сто процентов с тем, что говорил Скиталец. Количество Жизней не бесконечно, а монеток и артефактов у этого мальчика пока недостаточно. Запас его Жизней явно исчерпался, и ему предстояло закончить Игру. И в жизнь его матери придет Зло. И сделать с этим ничего невозможно. Практически ничего.

В ночь она дежурила в отделении. Зашла к мальчику – он спал под своей кислородной маской. Дышал спокойно, и ей показалось, даже вроде бы улыбался во сне, хотя вид у него был измученный, а кожа отливала синевой.

Возвращаясь в кабинет, она услышала сдавленные звуки с площадки запасного выхода. Заглянула туда – там мать мальчика, стоя на коленях, тихо плакала, раскачиваясь из стороны в сторону. Плакала горько и безнадежно, как несправедливо обиженный ребенок.

Аэлита не стала раздумывать – она молча подняла женщину с колен и повела ее в ординаторскую, где усадила в кресло, накапала валерьянки, потом налила горячего чая с травами из термоса и приказала: «Рассказывайте». Мать и не посмела ослушаться: в отделении Аэлита считалась доктором жестким и волевым. Иначе бы она не была зав. отделением кардиохирургии и самым известным в городе хирургом.

– Пожалуйста, не сердитесь, я больше не буду шуметь, – попросила прощения мать. – Я просто никак не могу смириться. Я же понимаю, что это – все… Но я не понимаю – за что??? Он такой хороший мальчик! Он умница. Он умнее любого взрослого! И он у меня один!

– Муж есть? – сурово спросила Аэлита.

– Нет. Был, но… Нет, вы не подумайте, он тоже хороший человек, но слабый… Он не выдержал… У нас ведь с рождения порок… Мы и учились-то не в школе, а на дому, на одни пятерки. И всю библиотеку перечитали. Он очень хороший ребенок! Всех классиков цитирует наизусть! Он во всем разбирается. Электроприборы чинит, компьютер по книгам освоил, хочет стать программистом. С его болезнью это возможно, а то при движении мы задыхаться начинаем и синеть.

Аэлита сразу поверила в это «мы»: такая мамочка не могла не задыхаться, если сыну плохо.

– Вы же понимаете, что при операции шансы на благополучный исход минимальные? – сурово уточнила она.

– Я понимаю! – горячо уверила женщина. – Но они все-таки есть! Целых двадцать процентов! А без операции – вообще никаких нет.

Аэлита молчала. Не знала она, что сказать.

– Мы все время по врачам. Нет, нас, конечно, лечат. Но за операцию никто не берется! Мне однажды прямо сказали: «Мы не можем портить показатели летальными исходами». Я все понимаю. Показатели.… Да и доктору тоже как потом жить, если не спас? Ведь он же не виноват, что порок настолько сложный. Я все понимаю… Я пойду. Не сердитесь на меня.

Мамочка двинулась к выходу и, уже взявшись за ручку двери, повернулась и страстно проговорила:

– Господи! Если бы я была волшебницей! Я бы вылечила его, или дала бы ему силу, или хотя бы могла подарить ему свою жизнь! Если бы это было возможно!!!

Она ушла, а Аэлита осталась. Последние слова матери воскресили в ее памяти кусочек из переписки со Скитальцем. «Впрочем, в Игре может появиться какой-нибудь Маг, который тебе поможет в самую трудную минуту. Подарит тебе еще одну Жизнь!» – кажется, так сказал он. «Хорошо бы и в Реале так! А то ждешь-ждешь, Зла полно, а Маги где-то заблудились», – кажется, так ответила она.

Она, правда, заблудилась. Но уже нашлась. И плевать ей было на показатели!

Утром она спокойно и властно распорядилась готовить мальчика к операции. Спорить никто не стал, хотя, наверное, некоторым и хотелось. Она ощущала себя тем самым Магом, который появляется, когда все средства уже исчерпаны, все монетки растрачены, а артефакты потеряны.

Операция прошла успешно. Потом она войдет в учебники как уникальная по сложности и продолжительности. Но это потом. А пока Аэлита, ставшая на время самым магическим Магом, просто спасала мальчика, исчерпавшего все свои Жизни. Она не могла дать ему закончить Игру, не хотела! Рано ему было заканчивать Игру…

В день выписки она приняла букет и конфеты из рук помолодевшей лет на десять матери, выслушала все положенные благодарности, дала свои рекомендации по дальнейшему лечению

и реабилитации, методично выполнила все дела, намеченные на день, и пошла домой. Дома она приготовила ужин, накормила семейство. Проверила уроки у детей, погладила мужу свежую рубашку на завтра. А когда все домашние расползлись по кроватям, впервые за долгое время села за компьютер. И, выйдя в их Пространство, сразу увидела его.

Аэлита. *Где ты скитался столько времени, Скиталец?*

Скиталец. *В очень дальних краях. У пределов Вселенной.*

Аэлита. *Как там, Скиталец?*

Скиталец. *Там страшно. Там темно. Там ничего нет. Я попал в беду и потерял ориентиры. Я мог остаться там навсегда. Но потом появилась одна женщина, которая вывела меня оттуда. Она была похожа на тебя, только очень серьезная. Но от нее шло твое тепло. И я смог вернуться. Я все время думал о тебе. Хорошо, что ты меня дождалась.*

Аэлита. *Ты и не представляешь себе, как хорошо. Я тоже думала о тебе. Ну, здравствуй, Скиталец!*

* * *

– Они никогда не будут вместе? – напряженно спросила Женщина. – Ну, я имею в виду, по-настоящему…

– Никогда, – шумно вздохнула Сирень. – Не тот случай. Я старая, я знаю…

– Они вместе, – возразила Звезда. – Если говорить о душах, а не о телах. Их души совершают совместный полет. Они счастливы.

– Разве может быть счастье без любимого? Если нельзя его обнять, прижаться, положить голову на его плечо, почувствовать тепло его рук? Это же получается обманка, суррогат!

– Так мы сейчас о Любви или об Обладании? – качнулась на ветке Звезда.

– Вы, люди, слишком зависимы от своих любимых, – насмешливо фыркнула Кошка. – Рядом – счастливы, далеко – несчастны. Между тем с вами бок о бок живем мы, кошки. Если бы вы были более чуткими и наблюдательными… впрочем, лучше я сделаю свой рассказ более художественным. Из личных, так сказать, наблюдений.

Кошки на окошке

– Привет, киса!

– Привет, лапа!

– Как жизнь?

– Мурррррчит!

Они встретились на подоконнике раскрытого лестничного окна – две домашние кошки, рыжая и серая в черную полосочку. По соседству, на форточке квартирного окна, пристроилась красавица сиамка, свысока поглядывая на своих беспородных сородичей.

– А у нас опять проблемы! Моя в слезах, корм третий день купить забывает. Ладно хоть рыба в морозилке еще есть. Хотя не люблю я перемороженную рыбу…

– Ах, и не говори, моя дорогая! Уж эти наши подопечные…

– А почему их собаки хозяевами зовут?

– Потому что собака вечно хвостом виляет и в глаза им заглядывает, никакого самоуважения. По команде живет: палку приносит, голос подает. Ты представляешь, лапа, если бы тебя заставляли подавать голос???

– Упаси бог. Не представляю. Мы, кошки, не такие. Меня еще мамочка учила: чувство собственного достоинства – прежде всего. Твое дело – хорошо ловить мышей и давать человеку тепло, но только когда он в этом нуждается. Без нужды не лезть.

– Да тут и с нуждой-то лезть бывает опасно… Вот Мурка из соседнего подъезда к своему Петровичу полезла об ноги тереться – артрит у него, а он ее как пнет со зла!

– Ах! Безобразие какое! И что же?

– Известно что. Обиделась. Недели две к нему вообще не подходила и в тапочки гадила.

– А он?

– А что он? У него ж кроме кошки ни одной живой души рядом, с его-то дурным характером. Ползал перед ней на коленях, грехи замаливал. Мурочкой называл, дочечкой своей, печеночку парную с рынка таскал, молочко-сметанку деревенские… Выслуживался, в общем.

– А тапочки?

– А тапочки новые купил.

– Молодец эта Мурочка, так и надо! Не посрамила кошачий род! А то ведь есть кошки, которые все издевательства терпят…

– У собак нахватались, – подала голос сиамка. – Не пристало кошке молить о любви. Мы, кошки, любовь дарим. Милостиво причем. Мы себе цену знаем.

– А вас, с вашим-то породистым экстерьером, наверное, за большие деньги приобрели? – поинтересовалась рыжая.

– Нет. Я – подарок, – изящно изогнула хвостик сиамка. – Но цену себе от рождения знаю. И никакого панибратства не терплю! Требую к себе уважения и соблюдения границ.

– А если нарушают?

– Зубы, когти и коварный расчет, – усмехнулась сиамка, слегка обнажив маленькие, но очень острые клыки.

– Ой, лапа, смотри! Раиса из дома напротив пошла. И опять с новым кавалером. Какая женщина!

– Да, киса, ты совершенно права. Независимость – высший класс. Посмотри, как он весь от нетерпения горит, каждый взгляд ее ловит! А она – как королева…

– Я полагаю, у нее в роду кошки были, не иначе, – предположила сиамка.

– Да скорее всего! Иначе откуда столько грации, изящества, загадочности… – подхватила полосатая.

– Но ее ведь остальные дамочки осуждают, – вмешалась рыжая. – Ветреная, говорят, непостоянная, и все такое.

– Завидуют, – отрезала сиамка.

– Действительно. Сами-то вон бегают, как собака с палкой: дом-работа-магазин, детский сад-прачечная-дача, а хозяин еще и недоволен, подгоняет, претензии выставляет, – подтвердила серая.

– У них не хозяин, у них муж, – поправила рыжая. – Хотя все женщины мечтают именно о хозяине! Путаница какая-то, да?

– Да какая разница? – с досадой дернула ушками сиамка. – Суть-то одна…

– Ты говорила, что твоя в слезах! А почему?

– Ой, лапа, и не спрашивай! Там, как они говорят, любовь! Только какая-то непонятная. То он пропадает надолго, то снова звонит. А она переживает. Что там меня – себя кормить забывает! Похудела вся.

– Ну, уж это никуда не годится! Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!

– Нельзя забывать о себе ни при каких обстоятельствах, – подала голос сиамка. – Порядочная кошка должна быть в тонусе! Осанка, ухоженная шерстка, отточенные коготки, блеск в глазах.

– Какой уж там блеск в глазах, когда у нее депрессия! – вздохнула рыжая.

– Простите, отчего депрессия? – презрительно повела усами сиамка. – Ну, ушел… Ну, бывает. Значит, оказался недостоин! Другой найдется.

– Она не хочет другого, она этого хочет! – возразила рыжая.

– Страдать она хочет, вот что, – длинно зевнула сиамка. – Вот и депрессия. Это вместо того чтобы до блеска вылизать шкурку и выйти на охоту.

– Да, эти люди такие странные, – задумчиво промурлыкала полосатая. – Считают себя разумными, а сами беспомощнее котят. Иногда хочется им помочь, подсказать… Жаль, что они кошачьего языка не понимают!

– Могли бы и из наблюдений выводы делать, – повела мерцающими голубыми глазами сиамка.

– Ой, смотрите, какое семейство славное на прогулку вышло! Он, она и трое котяток! То есть ребяток!

– А он на нее какими влюбленными глазами смотрит! Явно гордится! Хоть она килограммов на сто даже без босоножек тянет.

– Зато ты посмотри: улыбается, спинка пряменькая, собой и семейством явно довольна. Идет плавно, будто львица на прогулке. И ребятки ухоженные какие… Есть ему чем гордиться! Сто килограммов сплошного счастья!

– Вот и я говорю: тут ведь главное, как себя подать. Аппетит надо сначала разбудить! Или кусочек жареной курочки, или обрезки требухи – есть разница?

– Ах, киса, какой разговор! С голодухи и требуху съешь, но мечтать-то все равно будешь о курочке!

– Кому-то и требуха за счастье. Они о курочке и не мечтают.

– Ну, моя дорогая, мечтать тоже надо уметь! Я, между прочим, тоже с улицы начинала! Меня мама в подвале за трубами родила! Но я знала, я верила, что буду жить в тепле и сытости. И что ты думаешь? Увидели, подобрали, домой принесли, жить оставили. Вот уже семь лет я при доме. И не требухой кормят – что себе, то и мне. А если бы я мечтала о чем-то другом?

– О теплой помойке, например? – иронически вставила сиамка.

– Ну да! Или о сухом подвале. Так и осталась бы там на веки вечные.

– Хотите сказать, если бы моя мечтала о другом мужчине, она бы его получила?

– Разумеется, лапа моя!

– Но почему этого не происходит?

– Потому что место занято. Ну, тем, предыдущим, – скучающе объяснила сиамка. – Если она все время о нем думает и переживает, значит, место все еще занято.

– Вы знаете, я к телевизору не очень-то, у него энергетика плохая. Но иной раз посматриваю одним глазом – с кресла, где обычно сплю. Так вот, в одной передаче говорили, что настоящая женщина подобна кошке – такая же теплая, мягкая, мистическая, загадочная. Приятное сравнение, мне понравилось. Сразу так замурчало!

– Ну да! Только кошки тоже разные бывают. Главное – пример положительный, ведь правда? А то если женщина на какую-нибудь драную кошку похожа, это ж куда годится?

– Права, кисуля, никуда! А вот моя однажды по телефону подруге говорит: «Я влюбилась, как кошка!» У меня аж шерсть дыбом встала: это когда ж хоть одна кошка за котами бегала??? Зовем – да, желаем – да, ну так это ж мы знаки подаем! А уж когда кот на горизонте – мы себя знаем, как вести! Мы его сначала помурыжим, заведем как следует, а уж потом – любовь. И то – если кот понравится. Я вот в прошлом году Ваське из соседнего дома всю морду исцарапала, но не поддалась. Мало ли что зову – я ж не его конкретно! Я котят хочу рожать от сильных котов, а не от кого попало. Фрррр! Котяра облезлый… Так и ушел ни с чем.

– Правильный подход, – одобрила сиамка. – Мы, кошки, достойны самого лучшего!

– А вот моя… Каждый день перед зеркалом твердит себе: «Я достойна самого лучшего!» И ведь смотрю на нее – правда красивая, аж замурлыкаю иной раз. Но когда она к телефону кидается, как кошка угорелая! Думает, он звонит. А как она от этого телефона плетется, если не он… Я позавчера со злости аж диван изодрала! Ну сколько можно!

– Хладнокровнее надо к этому относиться, – посоветовала сиамка, любуясь вытянутой стройной лапкой. – Нравится человеку страдать – так пусть себе. Имеет право.

– Ладно, красавицы! Пора мне домой. Время еды. Может, хоть сегодня про «Вискас» не забудет?

– Пока, лапуля!

– Пока, кисуля!

…Женщина смотрела, как ее кошка важно прошествовала к любимому креслу и грациозно запрыгнула на него. Устроилась, свернувшись в клубок. Зазвонил телефон. Женщина встрепенулась, а кошка подняла голову и уставилась на нее вопросительным взглядом.

– А вдруг это он? – с надеждой спросила у кошки Женщина.

Если бы кошка умела пожимать плечами, она бы это, несомненно, сделала. А так – передернулась, что по смыслу означало примерно: «А оно тебе надо?»

– Но я так устала от одиночества! – пожаловалась кошке Женщина.

Кошка спрыгнула с кресла одним легким движением и переместилась к ней на колени.

– Брать? Или не стоит? – спросила у нее Женщина.

Кошка замурчала и устроилась поудобнее, свернувшись в клубочек.

– Считаешь, не брать? Да и правильно! Какого черта! Надоело. Идет он в баню! Зачем тратить время на человека, который не стремится провести его с тобой?

Кошка с интересом посмотрела на нее и одобрительно мяукнула. Телефон замолк.

– Вот, и ты согласна! Ну, не срослось у нас. Но! Жизнь на этом не кончается. Не последний же он мужчина в мире, да?

Кошка потянулась и спрыгнула на пол.

– Сейчас пойду и куплю себе новые духи! И помаду! И еще чулки – я такие у Раиски из дома напротив видела! А Раиса плохого не наденет.

Кошка длинно мяукнула и походкой манекенщицы направилась в сторону кухни.

– Да, и про корм не забыть бы! Кошку голодом морю. Что это я распустилась совсем? Так, где моя парадная сумка?

Женщина уже собралась выходить, когда телефон зазвонил вновь.

– Меня нет дома, – уже открывая входную дверь, сообщила она телефону. – Я ушла в Новую Жизнь. Кто не успел – тот опоздал. А кому надо – тот догонит. Только я еще подумаю, успел ли он…

Дверь захлопнулась.

«Молодец! Все-таки у моей в роду, вероятно, тоже были кошки, – подумала кошка. – Надо будет научить ее загадочному мерцанию глаз и изящному повороту головы. Это нам очень понадобится в Новой Жизни».

*** * ***

– Так вы, кошки, оказывается, большие сплетницы? – усмехнулась Женщина.

– Скорее, исследователи, – скромно заметила Кошка. – Наблюдаем, сопоставляем, обмениваемся информацией.

– Но зачем?

– Чтобы вас лечить, – пояснила Кошка. – Не просто же так мы лежим у вас на коленях и мурчим, мурчим… Мы поем бесконечную песню, рассказываем людям о людях. И заодно гармонизируем ваши вибрации с вибрациями Вселенной.

– Что-то я пока не чувствую особой гармонии, – с сомнением проговорила Женщина.

– А ты вообще себя плохо чувствуешь, – объяснила Кошка. – У тебя душа болит. А мы тебя лечим – Сирень, Звезда и я.

– Так лечите же меня поскорее! – попросила Женщина. – Расскажите мне все, что вы знаете о Любви. Может быть, я пойму, в чем моя ошибка и почему я так одинока.

– Моя очередь, – сказала Сирень. – Эту историю мне рассказала одна пожилая дама, которая часто приходит посидеть на скамейке под моей сенью. Это случилось с ней когда-то, еще давно. Впрочем, к чему предисловия? Просто послушайте…

Большая Любовь и я

Была у меня Большая Любовь. И был у нас с Любовью Любимый, он же Ненаглядный, он же Единственный. Сердце радовалось, душа пела, бабочки порхали в животе. А потом он нас бросил. Вот так вот взял и ушел в дальние дали, куда его поманила Другая Любовь.

Сердце болит, душа плачет, бабочки все окуклились и уснули – до лучших времен. Смотрю на его фотографию – а в глазах горе плещется. Плохо мне, тяжко, а что делать – не знаю. Не то повеситься, не то утопиться, не то прическу сменить… Трудно без Любви-то!

– Почему без меня? – удивилась Большая Любовь. – Он ушел, а я-то осталась!

– Как это ты можешь остаться, если он ушел? – удивилась я. – Ты же была между мной и им?

– Ничего подобного! Уважающая себя Любовь между кем-то и кем-то не болтается. Она живет внутри. Я вот – в тебе живу.

– Во мне сейчас другое живет. Боль, разочарование, отчаяние и грусть. И еще одиночество. Вот такие у меня поселенцы.

– Зачем же тебе такие квартиранты? Хочешь, я их прогоню? – предложила Большая Любовь.

– А как? Ты сразишься с Другой Любовью, победишь ее и вернешь мне Любимого, да?

– Еще чего! – возмутилась Любовь. – Ни с кем я сражаться не буду, я вообще не воинственная. И возвращать кого-то насильно – это, прости уж, не в моих правилах.

– А как тогда ты прогонишь боль, разочарование, отчаяние и грусть?

– Я с ними поговорю, и они сами уйдут. Только музыку включить надо.

– Ты что, под музыку с ними общаться будешь?

– Мы не словами будем разговаривать, а языком тела. Давай потанцуем, ага?

Для начала Большая Любовь выбрала грустную мелодию, и мы стали танцевать. Грустить в танце было так возвышенно и прекрасно, что я даже поплакала.

– Давай-давай, плачь, – поощряла меня Любовь. – Недаром говорят, что слезы – это жидкие эмоции, пусть они покинут тело, а вместе с ними уйдет и отчаяние.

И вот что странно – когда танец закончился, мне уже не было так грустно, и отчаяние куда-то отступило.

– А теперь воздадим должное твоей Боли, – сказала Любовь. – Для нее самая подходящая музыка – «Болеро»! И побольше экспрессии, пожалуйста!

Под «Болеро» я выдала всю экспрессию, на которую была способна. Я даже немного разозлилась. «Уходи, боль! – сквозь зубы шептала я. – Не смей терзать меня! Я хочу быть счастливой, я хочу быть спокойной, я хочу, чтобы в моей жизни все еще было хорошо!»

И Боль, пока отчаянно танцевала со мной, таяла, уменьшалась, становилась какой-то зыбкой и прозрачной… так, не боль, а призрак боли.

– А теперь разберемся с разочарованием, – заявила Любовь. – Ведь оно само собой не приходит. Только если ты позовешь!

– Я не звала! – поспешила оправдаться я.

– Верю-верю. Зато ты звала очарование. Можно сказать, была добровольно очарована! А когда чары развеялись, все стало казаться тебе серым и даже черным.

– Ну, где-то так, – согласилась я. – Ведь на том месте, где он стоял, теперь пустота, черная дыра!

– А зачем ты смотришь исключительно на опустевшее место? Отступи на шаг и посмотри шире! Вокруг тебя еще столько всего, что может очаровывать!

Я отступила и посмотрела. И правда: за окном было чарующее синее небо с нежными облачками, на балконе напротив росли дивные цветы, а в песочнице играли совершенно очаровательные дети.

– Стоит несколько расширить кругозор – и очарование сразу вернется, – пообещала Любовь. – Не стоит сужать свой мир до размеров Любимого.

– Я и не заметила, как это получилось, – покаялась я. – Оказывается, мир никуда не делся! И многое в нем выглядит совершенно очаровательно!

– А сколько пока не попало в поле твоего зрения! – мечтательно вздохнула Большая Любовь. – На всю жизнь чарующих впечатлений хватит!

– Надо же… а я так давно по сторонам не смотрела, – изумленно осознала я. – Только на него, на Любимого.

– Может, потому он и сбежал? – предположила Большая Любовь. – Трудно так жить-то, под пристальным взглядом и неусыпным оком.

– Но я думала, что Большая Любовь – это когда глаз друг с друга не сводишь! Когда наглядеться не можешь! Когда не оторваться друг от друга.

– Это, моя милая, не про меня. Это называется «Большая Привязанность». Она всегда идет рука об руку со Страхом Потери. А я дружу со Свободой. Зачем мне кого-то привязывать, я же большая! Во мне места для всех хватит, и еще останется.

– Это здорово! – обрадовалась я. – Но что же теперь делать с Единственным и Ненаглядным? Он вернется? Или не вернется?

– Он вернется. Или не вернется. А ты будешь счастливой в любом случае! Если сама захочешь, конечно.

Я хотела. И тогда я решила, что все, я достаточно погоревала.

Я все еще его люблю – это да! – но теперь как брата, а моя Большая Любовь настолько большая, что сможет вместить в себя еще очень многое – целый мир!

И тогда я пошла делать все то, что давно хотела, да времени не было, потому что сидела, на Любимого и Ненаглядного смотрела. И вскоре такой расцвет у меня в жизни начался, что захотелось это как-то отметить. Выбрала я объект – заброшенную-заросшую клумбу во дворе – и пошла ее облагораживать. Вскопала, порыхлила и стала рассаду высаживать. А Большая Любовь рядом стоит, поддерживает и одобряет.

– И правильно, и молодец! Пусть расцвет и процветание будут и внутри, и снаружи! А все горести-печали закопай, пусть покоятся с миром.

А мне смешно: какие горести, какие печали? У меня на душе снова бабочки порхают – проснулись после спячки-то, вон как жизни радуются! И тут слышу над головой голос Любимого:

– Здравствуй! Ну как ты тут без меня, соскучилась, наверное?

Распрямила я спину, глянула на него. Стоит с чемоданом, весь такой победительный, сияющий, как подарок судьбы, и тени сомнения нет, что я без него всю подушку изгрызла. Но я его все равно люблю. Как брата!

– А у меня Другая Любовь закончилась. Вернулся я! Ты рада?

– Сочувствую! – отвечаю. – А у меня Большая Любовь. Вот!

* * *

– Прямо про меня! – задумчиво проговорила Женщина. – Большая Привязанность и Страх Потери – мои вечные спутники. А хочется Свободы!

– Наверное, имеет смысл потанцевать, – предложила Кошка.

– А потом заземлиться, – подхватила Сирень. – Возле меня и клумба подходящая есть. Запущенная, кстати. Может, именно на ней проклюнутся ростки твоей Свободы?

– Может быть, – улыбнулась Женщина. – Завтра прямо с утра и займусь. А вот потанцевать мне хочется прямо сейчас. Вы меня подождете?

И она, покинув свое кресло, действительно включила музыку, потушила верхний свет и стала танцевать.

Сирень аккомпанировала ей шелестом листвы, Кошка – мурчанием, а Звезда своими лучами создавала на полу и стенах причудливый световой узор. Получилось здорово – не хуже, чем в ночном клубе.

Натанцевавшись, Женщина снова плюхнулась в кресло.

– Ох, запыхалась! Благодарю за поддержку. Я так давно не танцевала! Просто случая не было.

– Зря, – прокомментировала Сирень. – Если ждать случая – можно и не дождаться. Прецедент лучше создавать самой. По крайней мере, ни от кого не зависишь!

– Опять о независимости, – констатировала Женщина. – Понимаете, я бы, может, и создавала прецеденты, но, честно признаться, я в себя не верю. Давно уже. А может, и никогда не верила. Да! Я зависимая. Потому что существую только в чужих отражениях.

– О! Тогда вновь пришло мое время! – ухмыльнулась Кошка. – Тебе показана кошкотерапия. Если кто-то и понимает толк в независимости, то это мы, кошки.

Кошачье мнение

Кошки, как известно, существа самодостаточные и независимые. Тем не менее кошки тоже заводят себе друзей – в коллективе даже молча нежиться на солнышке куда приятнее, чем в одиночку. А уж если есть о чем помурлыкать – тогда вообще здорово!

На окне подъезда с комфортом расположились две кошки – рыжая и полосатая. Они только что вышли погулять, и у каждой была куча новостей для обсуждения.

– Привет, лапуся! Рада тебя видеть! У тебя сегодня очень блестящая шерстка!

– Мррр… И ты прекрасно выглядишь!

– А где наша красотка с соседней форточки? Где наша сиамская подруга?

– Ах, кисуля, и не спрашивай! У них там уже который день переполох, но я пока не знаю, в чем дело! Сама жду – расспросить хочется, это так загадочно!

– Кстати, лапка, ты в последнее время так поправилась! Круглая, гладкая, вальяжная! Прямо барыня! У тебя новый корм?

– Нет, дорогая. Дело вовсе не в корме. Просто я беременна.

– Ах! И ты молчала! Поздравляю тебя, лапуля! И кто он?

– Ну, ты знаешь… Пушок с шестого этажа. Он был так настойчив, так нежен, так дерзок, так красноречив! Как он орал под окном, как орал! Буквально всем настроение поднял. Великолепный кот! От него будет хорошее потомство, я в этом уверена.

– А тебе не тяжело так ходить?

– Конечно, я теперь не такая легкая, как раньше. Но мне удобно – мы, дамы, быстро привыкаем к новому статусу. Просто немного сместился центр тяжести. Вот и все!

– Ах, зато как ты солидно выглядишь! Просто по-королевски!

Кошка внимательно осмотрела свою лапку и довольно зажмурилась.

– Ну, даже женщины, эти закомплексованные существа, говорят, что беременность их украшает! А уж нас, кошек!

– Привет, подруги! – мяукнула сиамка, заскакивая на форточку. – Уффффф! Когда же все это кончится???

– Здравствуйте, милая! А что, собственно, у вас происходит? – обернулись к ней обе красавицы.

– Пожар, наводнение и землетрясение одновременно. Тили-бом, тили-бом, загорелся кошкин дом. Ужас, я так больше не могу!

– Милая, да в чем же дело?

– У нас подготовка к свадьбе. Наша Машенька выходит замуж. И это ужасно!

– Что ужасно? Свадьба? Или жених?

– Да нет! Подготовка – ужасно. С кошачьей точки зрения, свадьба – очень странное времяпрепровождение. Все сначала едят, пьют, танцуют, иногда дерутся, ну, подарки, конечно, дарят, а потом усталые жених и невеста падают без задних лап – спать. И только на следующий день понимают, что попали в другую жизнь. В общем, один из непонятных ни одной нормальной кошке человеческих праздников. Суета, конечно, но перетерпеть один день – и она закончится. Жених тоже ничего так, Машеньку любит, ко мне не лезет, и вообще воспитанный. Но вот мама!!!!

– Какая мама? Чья мама?

– Да Машенькина же мама! Она приехала из другого города, помочь Машеньке со свадьбой. Ну и началось! Хоть из дома беги.

– А что, что началось?

– Понимаете, моя Машенька слегка полновата. Так, самую малость. На мой взгляд – выглядит очень аппетитно. И походка у нее плавная, кошачья. И взгляд загадочный. И мурлыкать умеет замечательно – это она у меня научилась. Жених от нее без ума, просто млеет!

– Ну и в чем же ужас?

– А ужас в том, что ее мама себя не любит.

– Ой, погодите. Что-то я запуталась совсем. Кто кого не любит? Жених Машу любит?

– Очень, просто мурлычет от любви.

– Маша жениха любит?

– Аж светится вся!

– Тогда при чем тут мама вообще?

– Ах, девочки… У этих людей так странно все! Вот у нас, кошек: вырос котенок – и гуд бай! Иди, пожалуйста, и устраивай свою жизнь так, как тебе нравится. А у них все как-то по-дурацки! Дети уже своими семьями живут, своих детей вырастили, а родители все еще вмешиваются в их жизнь, уму-разуму учат. И ругаются, если что не по их указке делают!

– Ой, моя дорогая, я вас так понимаю! Сколько раз сама наблюдала: эти люди так любят усложнять себе жизнь! Но вы уточните – что же все-таки Машенькина мама делает?

– Понимаете, девушки, она сама просто-таки огромных размеров! Ну очень полная! На мой взгляд, ничего в этом страшного нет – страшных самок вообще в природе не бывает, бывают неухоженные! Но мама себя считает страшной. И очень беспокоится, что дочка станет на нее похожей.

– Ну, я вообще не понимаю. Это же так естественно, если котенок… то есть ребенок похож на своих родителей! Вот если мои котята на меня похожи, так я радуюсь! Значит, у них есть шанс быть такими же счастливыми.

– То-то и оно… Машенькина мама себя счастливой вовсе не считает. Она всю жизнь мучилась комплексом неполноценности от своей полноты, а теперь панически боится, что Машенька повторит ее жизнь.

– Фрррр… Да что за глупости? Не бывает двух одинаковых жизней!

– А Машенькина мама думает по-другому… И у нас дома из-за этого сплошные скандалы. Жених уже пугаться начал!

– Женихов пугать нельзя… Мужской пол такой нервный, такой тонко организованный!

– Кстати, о мужском поле. Вот мне тут с форточки отлично видно, что в кустах залег Василий и подслушивает, о чем мы тут беседуем. Василий, я вас вижу!

– Ах, этот несносный Василий! Морду ему, что ли, надрать в очередной раз?

– Ничего я и не подслушиваю, – раздалось недовольное бурчание из кустов. – Я поспать прилег, а тут вы со своим мяуканьем…

– Выходите уже, Василий! Вас разоблачили, нечего теперь прятаться!

Из кустов независимой походкой вышел увешанный репьями Василий. Он был слегка смущен, потому что, разумеется, подслушивал.

– Василий! – царственно обратилась к нему сиамка. – Вы как раз кстати. Мы хотели бы послушать ваше мнение. Расскажите, котам какие кошки больше нравятся: худые или толстые?

– Мнннняяяууууу??? – возмущенно подскочил Василий. – Что значит «какие»? Разные! То есть любые. Как же можно красоту по размерам тушки мерить?

– Ну вот я, например, от природы чрезвычайно худая, – сообщила сиамка, грациозно изогнув голову и оглядывая свою спину. – Это плохо?

– Ну что вы, мадемуазель! У вас такое гибкое тело! И этот пшеничный цвет шерстки… А уж черные чулочки, хвостик и полумаска!!! – зашелся в экстазе Василий.

– Хххммммррр, – угрожающе профырчала рыжая, и в глазах ее зажегся недобрый огонек. – Чулочки, значит… Черненькие…

– Ага! Ревнуешь, значит – любишь! – торжествующе вякнул Василий и на всякий случай отпрыгнул за скамейку.

– Ничего и не ревную, больно мне надо, – независимо сказала рыжая, сразу вспомнив, что она – Кошка, Которая Гуляет Сама по Себе.

– Да погодите вы со своими любовными играми! – с досадой вмешалась полосатая. – Дайте беременной кошке сказать.

– Мадам!!! Вы в положении??? – тут же завопил Василий. – Мои поздравления, мадам! Целую лапки! Кстати, вы невероятно похорошели, я вам еще не говорил???

– Василий, – строго прервала его вопли сиамка. – Вы так и не ответили на вопрос. Худые или толстые?

– Всякие! – восторженно ответил Василий. – Каждый уважающий себя кот понимает толк в красоте! А главное – в ее разнообразии. Вот я, например, люблю одну, – он сделал паузу и кинул выразительный взгляд на рыжую, которая тут же демонстративно отвернулась. – Но не буду же я из-за этого кривить душой и утверждать, что все остальные кошечки – уродины? Пардон, конечно…

Василий забыл свои опасения, вскочил на скамейку и стал по ней расхаживать, как профессор по кафедре. Глаза его горели вдохновением, а хвост нервно подрагивал. Василий был в своей стихии.

– Вы, уважаемые дамы, часто ругаете котов за непостоянство. Но вы не учитываете одну важную вещь: каждая кошка имеет право на мужское внимание! Каждая, понимаете? Потому что каждая по-своему красива. И я, как честный кот, не могу допустить, чтобы чья-то красота осталась не отмечена! Ну хотя бы восхищенным взглядом! Хотя бы мявом! Я уж не говорю о весне, когда все мы думаем о продолжении кошачьего рода…

– Как он убедителен! – с удивлением отметила полосатая и посмотрела на рыжую. – Такой умный, а шрамы делают его мужественным. Лапа, я бы, на твоем месте, подумала…

– Еще чего, – фыркнула рыжая, но на Василия, тем не менее, смотрела не отрываясь.

– И я хотел бы отметить, что кошачий род в вопросах любви гораздо продвинутее человеческого! У нас, в отличие от людей, не бывает несчастной любви – только счастливая! Ну, еще бывает несостоявшаяся, но ведь это всего лишь вопрос времени? – и он вновь бросил зазывный взгляд на рыжую.

– Благодарим вас, Василий, – церемонно наклонила головку сиамка. – Вы очень расширили наш кругозор. Вы можете остаться и принять участие в нашей беседе. Правда, девочки?

«Девочки», разумеется, не возражали.

– Ну так что вы мне посоветуете, дорогие? Как быть с Машенькиной мамой? – вновь обратилась она к присутствующим.

– Зубы и когти, – тут же предложил Василий.

– Игнорирование? – предположила рыжая.

– А я советую просто перетерпеть, – сказала полосатая и переменила позу, устроив поудобнее живот с котятками. – Она же, как я поняла, только на свадьбу приехала?

– Ну да, – кивнула сиамка. – Потом намерена отбыть восвояси.

– А вот здесь я предлагаю быть твердой, – подхватила рыжая. – Ни в коем случае не позволять вмешиваться в жизнь своей молодой семьи.

– Это очень разумно! – согласилась сиамка. – В новую жизнь со старыми чемоданами – ничего глупее придумать нельзя.

– Если вы позволите, я тоже хотел бы высказаться, – попросил Василий.

– Пожалуйста, просим, просим, – наперебой загалдели кошки.

Василий, ободренный явно возросшим рейтингом, уселся на скамейку и начал:

– Видите ли, я уже тринадцать лет рядом с людьми и мог бы защитить диссертацию на тему человеческих отношений. И не раз отмечал, что мамы боятся за своих детей и стремятся

прожить за них жизнь. Ну, я так полагаю, чтобы уберечь от ошибок, от боли. Но мы-то, кошачье племя, хорошо знаем, что жизнь можно прожить только свою. Это потому что век наш короче людского, и некогда нам за других париться. Свое бы успеть!

– Верно, правильно, – закивали кошки.

– И я точно могу сказать: тут главное – границы отстроить. И четко дать понять: вот досюда я тебя впускаю в мою жизнь, а вот дальше – ни-ни! Иначе любящая мама становится хуже любого агрессора. Ворвется и начнет рулить. А молодой муж сначала помечется, а потом уж и сам не поймет, кто его жена – мама или дочка. Ну, соберет чемоданы и свинтит туда, где понятно, кто есть ху, как говорится. Такое вот мое кошачье мнение.

– Ах, Василий, вы действительно необычайно мудрый кот, – признала сиамка. – Это прямо руководство к действию! Я постараюсь напеть это Машеньке, когда вечером буду сидеть у нее на коленях.

– Если мама позволит, – вставила рыжая.

– Ну, у меня еще есть зубы и когти, – широко улыбнулась сиамка. – Ладно, дорогие, я должна вас покинуть. Пойду поддержу Машеньку в отстраивании границ.

– Да и мне пора, – засобиралась полосатая. – Мне сейчас приходится гораздо чаще есть, потомство требует дополнительного питания!

На окне осталась только рыжая, которая отчего-то медлила.

– Мадам, – страстно, с придыханием обратился к ней Василий. – Как вы смотрите, чтобы провести вечер вместе? Я знаю замечательную помойку у ресторана, там по вечерам такая рыба бывает!!! Даже семга попадается. Мы могли бы поужинать… А потом спеть дуэтом где-нибудь на крыше… В общем, оттянуться по полной!

– Семга… на крыше… Право, не знаю, – долгим взглядом посмотрела на него рыжая. Потом вредность взяла верх, и она мстительно мяукнула: «А мне мама не разрешает! Вот!» – и одним прыжком скрылась в подъезде.

– А счастье было так возможно! – разочарованно вздохнул Василий и почесал лапой за ухом. – Одно слово – рыжая ведьма! И о какой маме она говорила? Кого она имела в виду?

– Завтра, в шесть, на этом же месте, – раздалось из подъезда. – И не прячьтесь, пожалуйста, в кустах, приходите так.

– Мммммнннннняяяяяуууууу! – в восторге взвыл Василий, три раза высоко подпрыгнул, сделал сальто с переворотом и длинными скачками помчался через двор. Он чувствовал себя настоящим тигром, диким, могучим и свободным. И ничья мама не могла этому помешать!

* * *

«Кошачье мнение» развеселило всех – Женщину, Звезду, Сирень, и только сама Кошка оставалась невозмутимой. Хотя, как известно, кошки очень умеют «держать лицо» (если можно так выразиться о кошачьей мордочке).

– Прелестно, прелестно! – восторженно прошелестела Сирень. – Отстраивать границы. Держать дистанцию. Как это верно! И как подтверждается жизнью!

– Я хотела бы поделиться, – сказала Женщина. – Кошачье мнение, дистанция, независимость – это все, конечно, хорошо и, наверное, даже правильно. Но если отношения и так хромают, если связь настолько не прочная, что, того и гляди, окончательно разорвется, какая уж тут дистанция? Наоборот, нужно думать о сближении! Держать, скреплять, склеивать!

– Простите, не поняла: что именно нужно держать и склеивать? – уточнила Звезда.

– Трещину в отношениях, – объяснила Женщина. – Ведь в этом случае все зависит исключительно от женщины!

– В этом случае все зависит исключительно от ситуации, – сказала Звезда.

– А также от характера и величины трещины, – добавила Сирень.

– И вообще, всем известно: склеенное крепким не бывает и долго не живет, – безапелляционно заявила Кошка. – Лучше не тратить время и силы.

– Знаете ли, однажды я сверху довольно долго наблюдала за одной женщиной, которая потратила очень много времени и сил как раз на подобное мероприятие, – сообщила Звезда.

– И чем дело кончилось? – заинтересовалась Женщина.

– Альбатросом. Большой белой птицей, несущей Надежду.

Альбатрос и Надежда

Отношения разные бывают: одни похожи на темный лес, другие – на бескрайнее море, третьи – на теплый очаг, а эти были похожи на льдину. Огромная такая льдина, которая плывет себе по Житейскому Морю к неведомым берегам, и даже разумная жизнь на ней имеется. Вот и на этой льдине, помимо всяких мелких обитателей, жили двое: Он и Она.

Они были очень разные. Она горячая – он холодный. Она его любила искренне и безоглядно, а он как-то прохладно к этому относился. Она лед растапливает – он намораживает. Она к нему со всей своей жаркой душой, а он боится тепла, отстраняется. И чем Она горячее его любит, тем холоднее Он становится. Но все равно – плывут куда-то. Пусть не на кораблике, а на льдине, но зато она вон какая обширная, прочная, надежная.

Но что бывает, если в холодный стакан горячей воды налить? Правильно, лопнет стакан! Вот и Отношения не смогли долго выдерживать такой разницы температур – пошла по ним трещина. Лопнула льдина и разломилась на две части. Он даже обрадовался, сразу определил:

– Это твой ареал обитания, а это мой. Ты ко мне не ходишь, а я к тебе. Теперь каждый на своей льдине поплывет!

– Еще чего! – возмутилась Она. – Склеивать надо!

– Ну склеивай, – пожал Он плечами. И самоустранился.

Она принялась чинить и укреплять Отношения. Но, как ни старалась, трещина становилась все шире и глубже. В одном месте скрепит – в другом разрыв увеличивается. А однажды случилось совсем уж непоправимое: льдина хрустнула и разломилась окончательно. Она только успела ногу на другую часть поставить. Теперь она одной ногой была в своем ареале обитания, а другой – в его, и удерживала льдины в непосредственной близости только за счет собственной мускулатуры.

– Помоги мне! – попросила Она. – Мне одной трудно удерживать Отношения.

– Так может, лучше их отпустить? – предположил Он. – Ты поплывешь налево, я направо, да и дело с концом.

– Ни за что! – гордо ответила Она. – Надо спасать наши Отношения!

– Чего спасать-то, если они уже окончательно крякнули? – удивился Он.

– Может, еще не окончательно! Еще срастутся!

Будь их Отношения похожи на древо – можно было бы надеяться, что раны заживут, а трещина затянется. Если бы их отношения были похожи на порванное кружево, можно было бы заштопать. А вот льдина… Что можно сделать с льдиной, по которой прошла трещина?

Теперь они жили так: Он обладал свободой передвижения в пределах своего ареала обитания и постоянно куда-то уходил, а Она по большей части занималась тем, что держала льдины. Делать это было непросто: подводные течения то и дело стремились разнести их в разные стороны, но Она не сдавалась.

К этому времени Она уже крепко стояла на ногах и могла удержать льдины за счет собственной силы. Ее упорство было достойно удивления, и время от времени кто-нибудь удив-

лялся. К ней часто приходили поболтать другие обитатели льдины, и все пребывали в недоумении.

– Ну и долго ты будешь тут стоять в гордом одиночестве? Скоро сама заледенеешь! Поплыли лучше с нами! – приглашали ее тюлени. – Мы покажем, где полярники живут. Найдешь так себе спутника жизни…

– Спасибо, спутник уже есть, – отвечала Она. – А то, что его рядом нет, так он просто отдалился…

И она вновь обеспокоенно смотрела под ноги – не расползлись ли льдины, крепко ли она их держит.

– Удивляюсь я тебе, – говорила белая медведица. – Так цепляться за самца!

– У нас дети, – возражала Она.

– И что? Я, например, вообще своего прогоняю сразу после того, как он сделал мне потомство. А зачем он еще нужен? Вырастить малышей любая медведица в состоянии.

– У людей не так, – вздыхала Она. – Мы живем парами. Вместе легче.

– Ну и где твое «вместе»? Что-то не видно.

– Ушел погулять.

– Ага, вот и мой «ушел погулять». Может, ты замужем за белым медведем?

Она только вздыхала. Иногда ей и самой казалось, что она замужем за медведем-шатуном. Шатается где-то, а она тут вынуждена за двоих Отношения держать. Но не жаловаться же на это медведице?

Иногда ей все-таки приходилось бросать свой пост и на время уходить в глубь своей территории – подкормиться, пообщаться, что-то благоустроить. Она была расторопная и все успевала. Но каждый раз, возвращаясь, Она с ужасом видела, что трещина стала больше, а льдины разошлись еще дальше.

Его же, казалось, это вовсе не волновало. Он занимался своими делами, совершал какие-то экспедиции, строил себе домик на дальнем краю и совсем не тяготился тем, что между льдинами все шире становилась полоска воды.

– Почему ты не хочешь мне помочь? Неужели тебе все равно? – спрашивала Она.

– Мне все равно, – подтверждал Он. – Я живу своей жизнью. Не тревожь меня.

Но Она не верила. Она постоянно искала способы как-то спасти, склеить, починить Отношения. Но – увы! – не находила. И по-прежнему только ноги, ее сильные, крепкие ноги, могли держать льдины рядышком, чтобы плыли они хоть и по отдельности, но параллельно.

– Хи-хи… Стоит тут нараскоряку… Не боишься порваться надвое? – смеялись над ней гагары.

– Нет. Я сильная! – мужественно отвечала Она.

– На что силы тратишь? Хи-хи…

А сил, между тем, оставалось все меньше – она и сама это чувствовала. И ноги устали, и вообще… Попробуй-ка годами и десятилетиями жить в постоянном напряжении! Иногда она не выдерживала и обращалась за помощью к детям. Но дети даже не понимали, о чем она говорит.

– Мама, что склеивать? А главное – зачем? Разве так плохо?

Да, конечно, хорошо: им же дозволено перемещаться и по ее, и по его стороне. Только они уже совсем большие, создали свои пары и строят свои Отношения. Что им до треснувшей родительской льдины?

И вот однажды появилась в поле ее зрения невиданная птица. Большая, белая, солнцем подсвеченная. Крылья такого размаха, что аж дух захватывает!

– Эй, красавица! Твоя льдина треснула, ты в курсе? – крикнула ей птица.

– Знаю, – отозвалась Она. – Я как раз ее и удерживаю, чтобы совсем не расползлась.

– А зачем? – удивилась птица.

– Ну, видишь ли… Это же не просто льдина, это Отношения. Вот на той стороне все мое славное прошлое, и мой муж там обосновался.

– Тогда на этой стороне что?

– А это моя сторона. Давно уж прошла между нами трещина, которую ни залатать, ни склеить. Вот и держу Отношения вручную. Вернее, вножную, потому что за счет мускулатуры ног удерживаю.

– И что, это приносит тебе счастье? – заинтересовалась птица.

– Ну, счастье – не счастье… наверное, тут больше гордости. Столько лет прошло, а я все держу Отношения на плаву!

– А зачем, зачем?

– Ну как «зачем»? – И тут Она запнулась, потому что задумалась: действительно, а зачем? Ради детей? Так они давно вспорхнули и ушли в свой полет. Ради него? Так он был бы рад разойтись в разные стороны, о чем и говорил неоднократно и однозначно. Ради себя? Но стоять над лилией разлома, ощущая под собой пустоту, – сомнительная радость. Тогда зачем? Потому что привыкла, что ли?

– По привычке, – сказала Она птице. – Привыкла я спасать наши Отношения, вот и стараюсь.

– И что, никогда с этого места не сходишь? – ужаснулась птица.

– Отчего же, иногда схожу. Но ненадолго, а то вдруг за время моего отсутствия наши льдины окончательно разойдутся? Он-то их держать не хочет…

– Бедное ты существо, – посочувствовала птица. – Даже представить не могу, что заставило бы меня вот так вот сложить крылья.

– Но я не складывала крыльев! – возразила Она. – В те редкие минуты, когда я покидаю свой пост, я очень творческая личность! Смотри, как я между делом обустроила свою половину льдины!

– Да, сверху это особенно видно, – одобрительно кивнула птица. – У тебя богатый творческий потенциал, я это сразу заметила. Поэтому я вдвойне не понимаю: зачем тебе нужна вторая половина, которая все равно не твоя?

– Но наши Отношения – это единое целое, – терпеливо начала объяснять Она.

– Ну как же «единое целое», если разлом уже произошел, причем, судя по всему, очень давно?

– Лет тридцать назад, – призналась Она. – А то и больше…

– Так чего же ты ждешь?

– Сначала ждала, что все как-нибудь само склеится. Потом – чтобы дети, пока растут, могли на обе половины свободно ходить. А теперь… теперь уж и не знаю, чего я жду.

– А хочешь посмотреть на твою ситуацию с высоты птичьего полета? – предложила птица. – Может быть, ты просто не видишь всех своих возможностей?

– Ннне знаю… если только недолго… а то вдруг льдины за это время окончательно разнесет? – Ей очень хотелось в полет, ведь она никогда не видела свою льдину оттуда, с неба. – Ай, ладно! Полетели.

Громадная птица подхватила ее своими сильными лапами и мигом набрала высоту.

– Ой, мамочки! – только и успела проговорить Она, но испуг мигом кончился, потому что она увидела…

Там, внизу, простиралась вся ее жизнь. Все, что она сумела построить, украсить, сложить. И Отношения ее там были, и отсюда, сверху, было совершенно ясно, что распались они давно и окончательно, разделились на две автономные половинки, которые сейчас с облегчением тихо расплывались каждая в свою сторону. На той половинке, где муж остался, все уже переделано-перестроено на его вкус, по его замыслу, и сейчас он что-то там мастерит увле-

ченно. А на то, что ее рядом нет, даже и внимания не обращает, не интересно ему это. И на ее половинке все облагорожено и благоустроено, она ведь ленивой никогда не была, все успевала.

– Это выходит, и делать мне здесь больше нечего? – забеспокоилась Она. – Жизнь подошла к концу?

– Да не жизнь, а Отношения! – говорит ей птица. – Любые Отношения ограничены взаимными интересами. Пока они имеются, и Отношения существуют. А как только интересы иссякнут – все, конец Отношениям, каждый в свою сторону пошел.

– А мне-то, мне куда деваться?

– Так оглянись кругом – мир-то большой!

Оглянулась Она по сторонам – и правда! Кругом еще много льдин плавает, иные пустые, другие обитаемые. Но не только льдины в Житейском Море – есть и острова, большие и маленькие. А еще… оказывается, совсем рядом – материк! С зелеными берегами, с синими озерами, с быстрыми реками и высокими горами.

– Разве ты об этом не знала? – спрашивает птица. – Да куда тебе: ты ведь занята была, Отношения держала. Смотри, как твое Прошлое вдаль уплывает!

– А где тогда мое Будущее? Куда мне лететь?

– А куда захочешь, туда и полетим! Поселишься, где тебе сердце подскажет. Захочешь – так и новые Отношения выстроишь, а не захочешь – так все равно есть чем заняться. На новом месте всегда дел много!

– А льдины… они что, теперь окончательно разойдутся?

– Да они ж давно разошлись. Если б не твое упорство, кто бы удержал неудержимое? Может и сойдутся когда-нибудь. Океан Жизни непредсказуем, а время покажет.

– Какая ты мудрая, птица! А как твое имя?

– Меня называют Альбатрос Надежды. Я всегда в свободном полете, и это моя сущность. Приношу надежду на светлое будущее.

– А я – Надежда. Летать не умею, но пою здорово.

– Так спой же! – попросила птица. – А то летаю я хорошо, а вот пению не обучена.

…Если вы когда-нибудь захотите поменять свою жизнь, подняться над ситуацией, обрести новые горизонты – позовите, к вам прилетит Альбатрос Надежды. Вы опознаете его по огромным белым крыльям и по дивному пению. Это потому, что Надежда и Альбатрос теперь неразлучны. Они прилетают к тем, кто готов к переменам и жаждет их всей душой.

И если вам кажется, что все пропало, что жизнь треснула и рассыпается на кусочки, что вы заблудились и не знаете, куда плыть, – не отчаивайтесь. Кто знает – может быть, ваш Зеленый Материк где-то совсем рядом, просто вы его пока не видите… Зато ваш Альбатрос Надежды где-то тут.

Стоит только позвать…

* * *

– Про меня, – со вздохом сказала Женщина. – С единственной разницей: Альбатрос Надежды ко мне пока не прилетал. Да и за отношения я все еще держусь, хотя ясно понимаю, что трещина ремонту и реставрации не подлежит. Общие интересы иссякли, холод – невыносимый, льдины разошлись, а я все еще пытаюсь удержать неудержимое.

– О, женщины! – возмущенно фыркнула Кошка.

– Но зачем? – недоуменно спросила Сирень.

– Специалист советует, – пожала плечами Женщина.

– Какой такой специалист?

– По семейным отношениям. Я к нему хожу. Раз в неделю. Потому что сама в себе разобраться не могу. Ну, еще из-за одиночества: какое-никакое, а все-таки общение. Я ему про все

рассказала – и про холод, и про отчуждение, и про то, как хочу все поправить. А он говорит, что я все правильно делаю, пытаясь сохранить отношения. Хотя какие отношения, если мы даже вместе не живем? Ох, запуталась я.

– Вот я – точно запуталась, – пробормотала Звезда, неосторожно опустившаяся в самую гущу сиреневых ветвей. – А ты просто внушаемая. Ты говоришь, отношения давно хромают?

– На обе ноги, – невесело усмехнулась Женщина.

– Гвоздь, – непонятно сказала Сирень.

– Что – гвоздь? – не поняла Женщина.

– Гвоздь мешает, говорю. Сейчас объясню.

Гвоздь

Гвоздь вылез у Кусковой на самом неподходящем месте туфельки – на пятке. Туфельки любимые, и пятка тоже. Что делать? Известно что: идти к специалисту.

Приемщица в ателье «Обуем всех» внимательно осмотрела туфли, затем Кускову и спросила:

– Больно?

– Больно.

– Гвоздь мешает?

– Мешает.

– Ну, тут все просто. Измените к нему отношение!

– Простите?

– Мне-то чего прощать? Это вы гвоздь простите, и все волшебно изменится.

– Не поняла…

– Чего проще-то? Измените отношение к гвоздю на позитивное и бодро хромайте в светлое будущее.

– Но это же не устранит причину!

– Ну и что? Вы думаете, ваш случай уникален? Да вы не видели, какие гвозди у других бывают! До сердца достают, во какие здоровенные! А это… так, ерунда. Вполне можно приспособиться.

– Ну так забейте эту ерунду. Или выдерните. В общем, устраните!

– Устранить – это неправильно. Вы же сами привлекли это событие в свою жизнь!

– Я? Привлекла гвоздь? Как? Ладно, неважно, пусть так. Но теперь-то надо с этим что-то сделать, причем срочно!

– Нужно научиться с этим жить. А то не пройдете свои жизненные уроки!

– Какие «жизненные уроки»? Вы о чем??? Мне здесь чинить что-нибудь будут?

– А я что делаю? Я вам мозги чиню!

– При чем тут мозги? Проблема-то в туфлях, вернее, в гвозде!

– Нееет… Проблема, прежде всего, у вас в голове. С этим и будем работать. А изменится что-нибудь в вас – глядишь, и гвоздь как-нибудь сам собой рассосется.

– Проблема не в голове, а в пятке, которая отчаянно болит и кровоточит! Это вы больная на всю голову. Отдайте немедленно туфельку! Я пойду в другую мастерскую.

– Нельзя вам в другую. Я – ваш Учитель. И гвоздь тоже ваш Учитель. Нечего от учебы бегать.

– Слушайте, вы, «учитель»! Вы что, издеваетесь?

– Я? Ничуть. Я анализирую вашу непростую ситуацию. А хотите, я вас в группу запишу?

– О боже, в какую еще группу?

– В группу Анонимных Хромоножек, сокращенно «АХ!». Будете собираться с коллегами по несчастью, общаться, делиться опытом. Рассказывать, какого прогресса добились. Гордиться достижениями… ну и поддерживать друг друга, конечно!

– Ах, вы мне совсем голову заморочили! Что за бред вы несете?

– Я ваш бред несу. Практически слово в слово. Вы меня не помните?

– Нет… а мы знакомы?

– Еще как знакомы! Я к вам как-то на консультацию приходила. Вы же специалист по решению житейских проблем? Из центра «Поможем всем»?

– Да, я там работаю…

– Ну так вот: пришла я к вам со своей проблемой: отношения с мужем хромают, пьет, гуляет и не уважает, в сердце как ржавый гвоздь, больно – невозможно. А вы мне тогда и поведали, что ситуация моя не уникальная и не запредельная, у других еще похуже бывает. И что отношения ни в коем случае нельзя прекращать, потому что муж – мой Учитель, проблема – у меня в голове, я сама ее привлекла, а потому должна найти в ней позитив и научиться с этим жить. А когда я засомневалась, вы меня направили в группу Угнетенных Жен, сокращенно «УЖ!». Делиться, как здорово мы научились жить с гвоздем в сердце. Вспомнили?

Кускова замялась, а потом нерешительно спросила:

– А нельзя все-таки этот гвоздь… изъять? Чтобы без боли и не хромать.

– Да конечно, можно! – рассмеялась приемщица. – Зачем учиться жить с болью, если можно без нее?

Взяла клещи и одним движением выдернула гвоздь.

Кускова обулась – и правда, все отлично! Ничего не высовывается, не царапает и не больно, можно летящей походкой в светлое будущее устремляться.

– И нечего на голову обижаться, если пятка болит, – посоветовала приемщица. – Когда больно, мозги-то плохо работают. И поэтому если что – начинайте всегда с гвоздя! Это я вам как специалист советую.

* * *

– Вот, значит, как, – растерянно сказала Женщина. – Вынуть гвоздь – и все. Так просто?

– А к чему все усложнять? – муркнула Кошка.

– Все нужное – просто. Все сложное – не нужно, – подтвердила Звезда.

– Если, конечно, не хочется хромать, – добавила Сирень.

– Но если не станет Его, что я буду делать? Для чего я тогда вообще нужна? Небо коптить? – недоуменно наморщила лоб Женщина.

– Ну, я вот копчу небо, и ничего, – рассмеялась Звезда. – Еще и спасибо говорят. У каждого есть свое предназначение, и оно вовсе не в том, чтобы испытывать боль.

– Наверное, у вас и по этому поводу имеется история? – спросила Женщина.

– Еще какая. Настоящая звездная история.

Иди и свети

Жила-была на свете девочка, звали ее Елена, и была она Прекрасная. В том смысле, что и внешностью удалась, и руки золотые, и умом не обделена, и характер легкий, и душа крылатая, и ответственная она, и исполнительная, и рукодельная, и на выдумку горазда – в общем, Звезда.

Только вот никто ей об этом не сообщил, забыли как-то. А может, считали, что ребенка хвалить – только портить. Вот и выросла наша Елена в полной уверенности, что она обыкновенная – как все.

Ясное дело, если б она знала, какое она сокровище, то и мужа бы искала себе под стать. Но она ни о чем таком не думала, ничего такого не ведала и поэтому замуж пошла за первого подходящего – Иванушку-Дурачка.

Иван был парень как парень, других не хуже, когда трезвый. А Дурачком его прозвали, потому что не умел он отдыхать по-хорошему – только напившись и расслаблялся. Чуть где напряг какой – сразу и за бутылку. А поскольку жизнь штука серьезная, и поводов для напряжения ой как много, Иванушка наш все реже умным выглядел, а чаще Дурачком. Да и скажите на милость, много вы во хмелю умных людей наблюдали? Зеленый Змий, он такой – всех махом в дурачков превращает, только поддайся ему…

Еленушке нашей такой расклад, конечное дело, не нравился – но муж ведь, отец ее детей, куда деваться? Она уж и лаской старалась, по-хорошему, и ругалась на него, и условия ставила, и в церковь ходила – ничего не помогало, только хуже становилось. Начинал-то Иванушка с рюмочки, потом на стаканы перешел, потом на ковшики, а потом уж из бадьи хлебать начал, да пока не кончится – не остановится. Может и день, и два, и неделю расслабляться – а потом столько же в себя приходит.

– Что ж ты, Иванушка, делаешь? – спрашивала она порой. – Ты ж себя губишь, деток пугаешь, меня огорчаешь. Зачем ты так?

– А ты не огорчайся, – советовал ей муж. – Чего я, разве мешаю кому?

– Так ты ж из семьи выпадаешь, мы сами по себе, а ты с Зеленым Змием постоянно. Забываешь про меня, а я тебе жена все ж таки…

– А раз жена – молчи и мужу не перечь! – серчал Иван. – Я – добытчик, имею право! Я бабским разумом жить не намерен!

– Да кабы у тебя свой был, а то как выпьешь – дурачок, и только!

– Ах, ты так? – И Иван начинал в пьяном кураже Елену по терему гонять. Иногда и настигал, тогда Еленушка примочки ставила да слезы на кулак мотала – что еще делать бедной женщине, если муж пьет и бьет?

А муж тем временем видит, что жертва никуда не девается, и все больше наглеет. Стал он уже и на других красавиц заглядываться, и в гости к ним похаживать. Елене быстро все

известно стало, да и он не больно-то скрывался. Вроде как нравилось ему жену доставать. Ну, это известное дело: кто согласен мучиться, того и мучают.

А тут, ко всему прочему, стала Еленушка замечать, что и сын ее подрастающий все больше на отца похож становится, и грубить уж научился, и своенравничать. Того и гляди, по стопам отцовским пойдет, со Змием дружбу водить-то… Совсем Елена запечалилась, не знает, что делать и как быть.

Конечно, с подружками делилась, они ей разные советы давали. Она все перепробовала – ничего не помогает. Со Змием дружбу прекратить муж не согласен – говорит, такого дружбана еще поискать, лечиться не соглашается – говорит, не болен. А на советы «разведись ты с ним, окаянным», Елена сама креститься начинает: «Что вы, как можно, ведь муж он мне, а без меня он и вовсе пропадет!» В общем, куда ни кинь – всюду клин.

И вот однажды спит она и видит такой сон: явилась к ней Звездная Фея. Сошла по Млечному Пути, одежда вся золотыми и серебряными блестками усыпана, вместо фаты на голову Туманность Андромеды накинута.

– Здравствуй, – говорит, – Еленушка-свет! Вот, пришла к тебе, поговорить по душам.

– Здравствуй, Звездная Фея! – обрадовалась Елена. – Какой сон чудесный, конечно, давай, поговорим! А о чем?

– А о том, как ты нас подвела, – укоризненно глянула на нее Фея.

– Я? Подвела??? Да не может такого быть! – испугалась Елена. – Я, если что сказано – обязательно исполню! А чего я не сделала-то? И кого это – «вас»?

– Меня к тебе Вселенная послала сказать, что негоже Звезде о своем предназначении забывать.

– Ну да, негоже, раз предназначение – тогда конечно, а только при чем тут я?

– А при том, что ты – Звезда, и твоя задача – сиять, землю освещать, красоту мира увеличивать, а ты во что себя превратила? Глаза потухли, лицо усталое, общий вид – загнанный и тусклый. Ну и куда это годится, Звезда моя дорогая?

– Я – Звезда? Да что вы такое говорите??? Ой, ну и сон странный – спасу нет! Я – никакая не звезда, обычная женщина, и зовут меня Елена. Вот!

– Мне-то эти сказки не рассказывай, – строго сказала Звездная Фея. – Ты – самая настоящая Звезда, и имя тебе дано Елена Прекрасная. Всем тебя природа щедро одарила, а то, что ты Еленой Дурачок заделалась, так это, преступление против человечества.

– Да нет, что вы, это я не, – стала оправдываться Елена. – Это муж мой Дурачок, и то когда выпьет, а так-то он очень даже ничего…

– Вот именно – «ничего», – кивнула Звездная Фея. – Потому и пьет, что «ничего». Не хочет он расти, свои таланты и умения развивать, а душа настаивает и требует, вот он и глушит ее алкоголем. Ну да ладно, он взрослый мужик, раз так решил – ничего не попишешь. А вот почему ты в этом участвуешь – ума не приложу!

– А как в этом не участвовать? – опять заоправдывалась Елена. – Мы ж – одна семья, и терем у нас общий, и детки. Хошь не хошь, а участие принимать приходится…

– Ну уж, не говори – «хошь не хошь». Если принимаешь – значит, хочешь. Не хотела бы – уже давно все решила бы и делом занялась.

– Каким, каким делом?

– Смотри, – сказала Звездная Фея и рукавом махнула.

И открылась перед Еленушкой Картина Мироздания, дивная-предивная.

Кругом небо бескрайнее, а по нему женщины летают, одна прекраснее другой, и у каждой во лбу Звезда горит. Звезды свет льют, космический мрак разгоняют, освещают планеты разные, а люди, что на них живут, смотрят вверх и радуются.

– Какие они… сияющие, – подивилась Елена.

– А знаешь, отчего они сияют? – спросила Звездная Фея. – Это потому что выполняют то, что им судьбой предназначено. Дана им сила великая и Свет, чтобы несли они его людям, чтобы помогали из мрака выбраться и темные закоулки осветить, чтобы подарили людям свое сияние и тепло. Что ж ты, милая моя, по пустякам свой Свет растрачиваешь?

– Не по пустякам… Мужу путь осветить пытаюсь…

– Ах, звездочка ты моя… Да разве сама не видишь, что не в состоянии Дурачок свет твой оценить и принять? Его он с годами все больше раздражать будет, потому как его бескрылость от этого только виднее становится. Вот и будет он пытаться тебя унизить да приземлить, чтобы ввысь тебе рваться неповадно было, чтоб на него похожей была.

– Но зачем, почему? Разве плохо мужчине, когда у него жена – Звезда?

– Если мужчина Дурачок – так и плохо. Кому охота на фоне Звезды огарком выглядеть? Никому! Ты и сама не живешь, и ему не даешь.

– А ему-то я как не даю? Он что хочет, то и делает, – удивилась Елена.

– Ты бы его отпустила – так он, может, нашел бы женщину по себе и жил с ней в мире и согласии. Глядишь, и повод для пьянства тогда бы сам собой отпал.

– Так он сам меня не отпускает, – не поверила Елена. – Я уж сколько раз предлагала: «Давай, мол, по-хорошему разбежимся», а он ни в какую!

– А ты как думала? Кто ж добровольно от звездной энергии откажется? Это ж такой источник неисчерпаемый, только пей да пей! В общем, тебе решать. Вот, говоришь, «он без тебя пропадет». Так он, может, и хочет пропасть. А если человек решил, разве кто-нибудь запретит? Но вот хочешь ли ты с ним за компанию пропасть – ты подумай. Только жалко будет, если одной Звездой на небе меньше станет… Не каждому в этой жизни светить дано. Так-то вот, Елена Прекрасная.

– Почему ты меня все время Прекрасной называешь? – спросила Елена. – Отродясь я в себе ничего такого особенного не замечала.

– А ты, как проснешься, к зеркалу подойди да посмотри на себя свежим взглядом, – посоветовала Звездная Фея. – Да не так, как обычно – мимоходом, а внимательно. И подумай о том, Кто Ты Есть На Самом Деле…

С этими словами поцеловала ее Звездная Фея в лоб – и пропала…

И кончился на этом чудный сон. Проснулась Еленушка и понять не может – что это было. Ровно как кино какое ей показали, в жанре «фэнтези». Встала она, пошла в ванную – а там зеркало как раз, по дороге. Вспомнила она про наказ Звездной Феи, встала перед зеркалом и смотрит на себя. И видит Елена себя словно в первый раз. Вроде как просветление на нее снизошло от поцелуя Феи – глаза сияют, как звезды, от лица мягкий свет струится, и во лбу словно звезда горит… И почувствовала она в себе такую Силу, такое желание этот Свет в мир нести, что даже заплакала. Только не по жизни своей загубленной, не о любви своей прошедшей, а о том, сколько времени зря потеряла. Но даже и так – нравилась она себе, нравилась!

– Ну, здравствуй, Елена Прекрасная, – сквозь слезы улыбнулась она. – Ты – Звезда! Твое дело – давать людям свет, ты знаешь об этом? Теперь – знаешь. Так иди и свети!

* * *

– Так вот как становятся Звездами! – изумленно произнесла Женщина.

– Один из способов. Не самый плохой, кстати.

– К зеркалу, что ли, подойти? – задумчиво сказала Женщина.

Она действительно встала и критически осмотрела себя в зеркале.

– Нет, не звезда. И не королевна, – вынесла она вердикт. – Даже не боярыня. Слишком долго хромала, сдерживала трещины и лила слезы по утерянной любви. Поздно пить «Боржоми», когда почки уже завяли.

– Почки распускаются по весне, – напомнила Сирень.

– Поздно, поздно. Время ушло, – печально погладила свое отражение Женщина. – Я просто немолодая женщина с застарелыми комплексами.

– Ерунда, – царственно потянулась Кошка. – Никогда не поздно поменять ненужные комплексы на нужные. Внимание – «Кошачий комплекс»! Озвучивается впервые.

Кошачий комплекс

Серо-черная полосатая кошка сидела на подоконнике распахнутого настежь лестничного окна и наслаждалась ясным июльским утром. Чуть поодаль, на форточке квартирного окна, свесив изогнутый хвост, лениво возлежала роскошная сиамка.

– Муррр… Раиса куда-то пошла. Какая у нее походка! Мягкая, легкая, грациозная… У нее кошачьи повадки, – прокомментировала полосатая. – Как вы думаете, это врожденное или приобретенное?

– Полагаю, у Раисы это врожденное. Вряд ли это можно приобрести, – авторитетно заявила сиамка.

– Ах, смотрите! Остановилась с соседом поболтать. Какая у нее улыбка! Прямо как у Чеширского Кота! Нежная, ускользающая… Мужчина-то как «поплыл»! Прямо в транс вошел. Вот-вот замурлычет.

– Пожалуй, – снисходительно согласилась сиамка. – Легкий транс налицо. Это по-нашему.

– О, дальше пошла! Как она на него через плечо глянула! А какой изящный поворот шеи, вы заметили?

– М-да… Глаза у нее действительно кошачьи: зеленые, гипнотизирующие, загадочные…

Тут их беседу прервала третья кошка – рыжая, прилетевшая невесть откуда.

– Я не опоздала? Ничего важного не произошло?

– Ничего особенного. Сидим, наблюдаем за Раисой. Обсуждаем вот.

– А, женщина с кошачьими повадками? Уважаю! Мурррчит! А чего обсуждаете?

– Ну вот интересно: она с детства такая была или достигла путем длительных тренировок?

– Как же, с детства, скажете тоже! Она еще лет эдак десять назад была на крысу похожа, – прогнусавил кто-то из-под куста сирени.

– Ой, кто это? Немедленно выходите, а то хуже будет! – наперебой заверещали кошки.

Кто-то засопел и завозился, вылезая из зарослей.

– Боже мой, Василий! Что ты тут делаешь, в нашем дворе? – дернулась рыжая.

– Так, шел по своим делам… – неопределенно ответил тощий пятнистый котяра с разорванным ухом.

– Ходите по своим делам в собственном дворе! – гордо заявила рыжая и нервно забила хвостом.

– Погоди, киса, – вмешалась полосатая. – Василий, а что вы говорили про крысу? Я правильно услышала?

– Правильно, – подтвердил Василий, вспрыгнув на лавочку. – Ее так и дразнили: Крыска-Раиска. Вы-то молодые, а мне уже три года было, в расцвете лет, так сказать, я все помню. Крыской и звали, стало быть.

– Но почему? – с безмерным удивлением спросила сиамка, выйдя из своего привычного гордого оцепенения. – Такую видную кош… женщину? Крыской?

– Ну да, – важно подтвердил Василий, ободренный интересом к его персоне. – Только она тогда еще не была красавицей. Она тогда серой мышкой была. Тощая, нескладная, угловатая, застенчивая, на голове два крысиных хвостика. В общем, вся такая закомплексованная…

– Не может быть! – ахнула полосатая. – А как же она такой стала, как сейчас?

– Известно, как – влюбилась, – сообщил Василий, усаживаясь поудобнее – видно было, что дамы заинтересовались темой и теперь его явно не прогонят.

– Расскажите же эту историю! – попросила полосатая. – Мы просто заинтригованы, правда, лапуля?

– Ну, в общем, да, – неохотно ответила рыжая.

– Говорите, Василий, – властно приказала сиамка и послала котяре такой зазывно-обещающий взгляд, что Василий заерзал и нервно облизнулся.

– Мнннняяяя… История начиналась грустно. Невзрачная девчонка влюбилась в самого красивого мальчика двора. А он на нее не обращал внимания. Мнннняяяя…

– Василий, ну что вы кота за хвост тянете? Нельзя ли побыстрее? – раздраженно мявкнула рыжая.

– Да я же и рассказываю! – сдержанно огрызнулся Василий. – А потом она ему призналась в любви… На выпускном вечере…

– Сама? – ахнула полосатая.

– Сама, – с удовольствием подтвердил Василий.

– О боже… До чего докатился мир! – высокомерно вздохнула сиамка, закатив глаза. – И что он?

– А он растрезвонил об этом на весь двор. В подробностях, еще и с комментариями. Над Раиской все смеялись и пальцем вслед показывали. Она из дома выходить боялась.

– Вот так вам, подлым котярам, и верить, – прошипела рыжая. – Нет, настоящая кошка должна себя блюсти! И не давать повода…

– Мадам, не все обладают такой королевской выдержкой, как вы, – галантно ввернул Василий, отчего рыжая, приоткрыв рот, озадаченно умолкла.

– А дальше, дальше? – поторопила полосатая.

– А дальше Раиса замкнулась в себе. И общалась в основном со своей кошкой. Я сам слышал, как ее мамаша соседкам жаловалась. В общем, целый год ее было не видно, не слышно. Мнннняяя…

– Ах, Василий, вы невыносимы! – рассердилась полосатая. – Впрочем, как большинство мужчин. Мы уже просто изнываем от нетерпения! И что же было потом?

– А потом Раиса появилась, но уже такая, как сейчас, – сообщил Василий. – И все мужчины просто ахнули! А женщины – охнули. Этот самый красивый мальчик влюбился в нее насмерть. Пел серенады под окном, таскал букеты, писал письма. В общем, ухаживал.

– А она? – жадно спросила рыжая.

– А она его мурррррыжила, – прижмурившись, вспомнил Василий. – Букеты-конфеты брала, а больше – ни-ни.

– Одобряю, – довольно мяукнула сиамка. – Осталось выяснить одно: как она добилась таких разительных перемен?

– Мнэээээ… Так кто ж его знает? – обескураженно сказал Василий и почесал задней лапой за ухом. – Она ж все это время почти и не показывалась. Нееееее могу сказать! Одно знаю точно:

за этот год Раиса из серой мышки превратилась в очень, очень замурчательную кошечку! И больше ее Крыской-Раиской никто не дразнил – да и у кого бы язык повернулся???

– Ох уж эти самцы! Всегда самое главное пропускают мимо ушей! – посетовала рыжая.

– Может быть, узнать подробности у Раисиной кошки? – предложила полосатая.

– Увы, ее давно нет с нами, – вздохнул Василий. – Она уже и тогда немолода была… А сейчас Раиса кошек не держит. Хранит, значит, память о безвременно ушедшей Снежинке!

– Что ж, Василий… Благодарим вас. Очень интересный рассказ. Теперь вы можете идти, не смеем вас задерживать, – светским тоном сказала сиамка.

– Да я не тороплюсь, – начал было Василий, но осекся: сиамка демонстративно выпустила коготки и начала вылизывать стройную лапку в черном «чулочке».

– Действительно, что-то засиделся я, – поспешил сообщить Василий. – До свидания, кошечки! Я как-нибудь еще забегу.

– Очень вы нам нужны, – фыркнула рыжая.

– А вас, мадам, я не забуду никогда! – галантно сообщил Василий, спрыгивая со скамейки. – Ваш темперамент, как говорится, налицо! То есть на лице! Это было – уууух! Незабываемая встреча. Мрррррр…

И не дожидаясь ответной реакции, Василий сиганул в кусты, где и скрылся навеки.

– Нет, ну каков котяра! – возмущенно сказала рыжая, провожая его глазами. – Незабываемая встреча, говорит… Ловелас!

Впрочем, несмотря на возмущенный тон, было видно, что она польщена.

– Слушайте, а все-таки интересно: ну что же такое случилось с Раисой за то время, когда она дома сидела? Из крыски – в киски, это же не просто так случилось? – спросила полосатая.

– Василий говорил, что она в это время общалась только с кошкой Снежинкой, – медленно начала сиамка. – Соответственно, у нее перед глазами был положительный пример. Она могла наблюдать за кошкой и учиться у нее королевским повадкам.

– Ага! – сразу ухватила мысль полосатая. – Очень может быть. Ведь мы, кошки, тщательно ухаживаем за собой…

– Вылизываем шерстку до идеала! Никаких крысиных хвостиков! Ухоженность и шарм! – подхватила рыжая.

– Принимаем изящные позы, – добавила сиамка и растянулась во всю длину по форточке, свесив лапки.

– Ведем себя исключительно независимо!

– Ходим легкой походкой!

– Играем с разными предметами, чтобы в тонусе быть и гибкость не потерять.

– Много спим!

– Мурчим, когда всем довольны!

– Едим только то, что нам нравится! И не переедаем!

– Сжигаем лишние калории в движении и играх!

– Бросаем выразительные взгляды!

– Соблюдаем границы!

– Знаем себе цену!

– Похоже, Раиса все это подсмотрела и применила в жизни! – заключила полосатая.

– Постойте, дорогие! – вдруг прервала подруг рыжая. – У меня как раз моя Лелечка в Новую Жизнь решила уйти. Тоже хочет из крыски – в киски. Но еще не очень понимает, что нужно делать. И такая вся закомплексованная! Я, конечно, готова ей помочь! Но может быть, вы подскажете, что включить в программу?

Воцарилась пауза, кошки переваривали информацию. А затем сиамка подняла голову и сказала:

– А это идея. Кошкам есть чем поделиться с людьми. Нужно заменить негативные комплексы на позитивные! На комплекс полноценности. Как у нас, кошек.

– Даешь Кошачий Комплекс! – подпрыгнула полосатая. – Упражнения для настоящих кошечек!

– А я потом все, что мы придумаем, до Лелечки доведу, – пообещала рыжая. – С чего начнем?

– С пробуждения, – сладко потянулась сиамка. – Чтобы быть в тонусе, надо хорошенько размять позвоночник. Прогнулись лежа влееееево… теперь впрааааво… И всеми четырьмя лапками одновременно потянулись, сильно-сильно – вот так! И сказали себе: «Здравствуй, киса, доброе утро!»

– Упражнение номер два! Выгибание спинки! Становимся на все лапки и выгибаемся… прогибаемся… Выгибаемся и думаем: «Я грозная!», а прогибаемся и думаем: «Но уступчивая», – полосатая тут же, на подоконнике, продемонстрировала, что имеет в виду.

– Да, кошки славятся своей гибкостью, – одобрительно заметила сиамка.

– Теперь, стоя на четырех лапках, водим задней частью влево-вправо, – включилась рыжая. – Это означает: «Готовимся к прыжку!»

– Мммм-даааа! А потом – разминаем шейку, – добавила сиамка. – Медленно-медленно водим головой в стороны и по кругу и приговариваем: «Все вижу! Все замечаю! Все интересно!»

– Ну вот, тельце размяли, теперь можно и шкуркой заняться! – предложила полосатая. – Умываемся… И шлифуем шкурку до блеска. Причесываемся – волосок к волоску. Кошку никто не должен видеть встрепанной! Мы должны быть идеальными.

– Совершенно верно, – согласно кивнула сиамка. – И о коготках забывать не следует. Коготки должны быть в порядке – заточенными, отполированными! Коготки – наше главное оружие. Даже если его не придется пускать в ход, демонстрировать можно и нужно.

– А теперь завтрак! – объявила рыжая. – Едим немного и только качественный корм. Никаких подделок и заменителей!

– Уважающая себя кошка никогда не будет есть некачественную пищу, – кивнула сиамка. – Лучше поголодать, чем травить себя непонятно чем. В крайнем случае – на охоту. Поймаешь птичку или мышку – вот и свежая дичь.

– Люди мышей не ловят, – с сомнением возразила рыжая. – Они другое едят.

– На рынок, – отрезала сиамка. – Пусть купят «другое», но свежее. А если не понимают – надо озвучить.

Сиамка показала, как надо озвучивать свои требования длинным требовательным мявом.

– Если не доходит, есть когти, зубы, газеты, которые можно рвать, и тапки, в которые можно гадить.

– Божественно! – промурлыкала полосатая. – Так, с едой понятно. Что еще мы включим в Кошачий Комплекс?

– Игривость, – предложила рыжая. – Бегать, прыгать, дурачиться – это так заводит! И тонус всегда будет отличный.

– Принимается, – милостиво кивнула сиамка. – Чередование холодности и игривости дает превосходный эффект. На контрасте!

– Упражнения у зеркала! – вспомнила полосатая. – Медленный поворот головы, глаза полуопущены. Потом вскидываем голову и фиксируем взгляд на объекте – вот так!

– Ого, – одобрительно сказала сиамка. – Вот это взгляд! Как лезвие ножа! Мурчит, уважаю!

– Еще красиво, когда делаешь полуоборот головы из положения сидя, – добавила рыжая. – Спинка при этом пряменькая, лапки подобраны.

– А когда идешь, смотреть надо прямо перед собой! Нечего головой мотать, несолидно.

– Походка! Походка должна быть кошачьей, плавной и мягкой.

– Ага, плавной! – возразила рыжая. – У них же каблуки. Ноги устают. Колени подгибаются!

– Или красота, или каблуки, – безапелляционно сказала сиамка. – Мы вот вообще босиком ходим, и ничего – коты с ума сходят. Лучше босиком, но легко, чем на каблуках, но ковыляя.

– Ах, вы совершенно правы, моя дорогая! Кстати, очень хороший отдых для уставших лапок – свернуться клубочком на диване, думать о чем-нибудь хорошем – например, о себе, любимой, и мурчать, мурчать…

– Действительно! И это очень мило выглядит со стороны. Почему-то люди от вида кошки, свернувшейся клубочком, успокаиваются. Заносим в наш Комплекс, да?

– Разумеется, киса! Так, что у нас дальше?

– Теперь нюансы. Для нас, кошек, вообще свойственны полутона. Полуулыбка, например. Наша полуулыбка даже людей с ума сводит, а уж коты вообще млеют! Всегда слегка улыбаться, как будто вы что-то такое знаете, но не говорите. Это так загадочно!!!

– Недаром нас называют мистическими животными, да? А все дело в полуулыбке. И особенном взгляде.

– Да! Пусть твоя Лелечка отработает перед зеркалом такое вот кошачье выражение лица! Взгляд свысока, пристальный, но короткий, улыбка – еле заметная. И медленный поворот головы!

– Ах, какой образ! Просто мурчу и млею! У нас в гостиной картина такая висит – «Незнакомка» называется. Вот точно такая же женщина там нарисована!!! Один в один!

– Неторопливость! – провозгласила сиамка. – Кошка должна торопиться только на охоте. Все остальное время – передвигаться медленно, плавно, с чувством собственного достоинства. Не пристало кошке суетиться! Не царское это дело!

– Не царское, не царское, – закивали рыжая и полосатая.

– А вы знаете, в чем главная наша сила? – вдруг осенило сиамку.

– В чем? В чем? – навострили ушки рыжая и полосатая.

– Мы никогда не навязываемся! – торжественно провозгласила сиамка и гордо выпрямилась. – Мы – гуляем сами по себе! Мы разрешаем себя погладить только когда сами этого хотим! И никогда не лебезим перед людьми, как это делают собаки.

– Ой, эти уж собаки! – передернулась полосатая. – Вид виноватый, подпрыгивают, в глаза заглядывают, руки лижут, команды выполняют, готовы из шкуры выпрыгнуть, лишь бы хозяин их погладил… А он еще то и дело «место!» орет. Не переношу!

– Ну, не случайно у кошек с собаками сложные отношения, – подтвердила сиамка. – Так что в Кошачий Комплекс вводим упражнение «Независимость». Человек должен понимать, что это мы его осчастливили, согласившись делить с ним кров, а вовсе не он нас!

– Ну, у нас это врожденное, – проговорила рыжая. – А как тренировать независимость моей Лелечке?

Кошки надолго задумались. Действительно: как стать независимой кошкой, если до сих пор вела себя преданно, как собака???

– Кажется, я поняла, – вдруг встрепенулась сиамка. – Вот сейчас возник трудный вопрос, и мы с вами что сделали?

– Ну, мы ушли в себя. Чтобы подумать, – сообразила полосатая.

– Кошки – существа медитативные. Мы время от времени уходим в себя, чтобы получить ответы на вопросы. Люди думают, что мы дремлем, а на самом деле мы общаемся с собой. Так?

– Вот и ключ к успеху! Почаще медитировать в одиночестве. У каждой уважающей себя кошки должно быть личное время для общения с самым дорогим существом. С собой, то есть.

– Ах, моя дорогая, какая же вы умная! Недаром говорят, что сиамки – королевских кровей. Но у меня вопрос: а как же наше ближайшее окружение? Мы же должны ему внимание уделять?

– Разумеется. Иначе зачем мы живем? Мы, кошки, своим теплом и мурлыканьем исцеляем, это все знают. Но умная кошка всегда соблюдает чувство меры. Не будь навязчивой – и тебя не скинут с дивана, это же любому котенку известно. Соблюдай дистанцию – и тогда каждое сближение, каждый твой знак внимания будет радостным и долгожданным.

– Да, вот еще вопрос! Личные отношения… Моя Лелечка ну так привязывается, так привязывается! Если он не позвонил – переживает, у телефона сидит. Если в гости пришел – не знает, как ему угодить, и стол накрывает, и анекдотами развлекает. Если поссорились – всегда первая отношения налаживает, прощения просит. Это так не по-кошачьи!

– Вы правы, нам, кошкам, такое поведение несвойственно! Это собачьи штучки. Пусть ваша Лелечка подумает, кому она хочет подражать: кошкам или собакам. Если собакам – тогда Хозяин у нее, конечно, рано или поздно объявится, и наш Кошачий Комплекс ей ни к чему. А если Кошкам – то мы уже все сказали. Кошка себя уважает. И жить станет рядом только с тем, кто это уважение разделяет.

– Ой, какой у нас большой Кошачий Комплекс получается! Сколько моей Лелечке освоить предстоит!

– Ничего. Зато потом про нее, как про Раису, будут говорить: «кошачьи повадки, женщина без комплексов».

– А вот и Лелечка! Домой идет. Плетется просто… Опять на этих каблучищах, видно, что устала…

– Сегодня, я полагаю, ты ей устроишь показательные выступления и активный отдых. Она еще просто не знает, какие приятные события ее ждут!

И три кошки, загадочно улыбнувшись, синхронно, изящно и медленно повернули головы и одарили ничего не подозревающую Лелю томным взглядом своих невероятных, мерцающих, мистических кошачьих глаз.

Кстати, у вас есть комплексы? А кошка?

* * *

– Я вспомнила, – сказала Женщина. – Я тоже хочу рассказать историю. Она была похоронена под завалами неудач и плохих воспоминаний, но сейчас откуда-то всплыла.

– Наверное, мусора поуменьшилось? – предположила Сирень. – Что же, с удовольствием послушаем!

– Надеюсь, она не такая грустная, как про Фею и Принца Дождя? – уточнила Кошка.

– Нет, что вы! Она совсем, совсем о другой Любви.

Сказка о двоих

Он был сильный, умный, добрый и нежный – красивый парень, завидный жених, мечта любой женщины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти. А она была маленькая, серенькая и невзрачная, ни внешностью, ни особыми талантами не блистала.

Он учился в институте, играл на гитаре, увлекался легкой атлетикой и был душой любой компании. Она любила природу, тишину, много читала, занималась домашним цветоводством, разными рукоделиями, а шумных компаний избегала, как только могла.

Тем не менее они, такие разные, как-то познакомились, подружились и стали встречаться с завидной регулярностью.

– Ну и что он в ней нашел? – удивлялись те, кто видел их вместе. – Нет, это ненадолго, так, кровь молодая играет-бурлит, поматросит и бросит.

Но он ее все не бросал и не бросал, а, напротив, привязывался к ней все сильнее и сильнее. И однажды случилось то, что рано или поздно должно было случиться, – он сделал ей предложение. Она подумала – и согласилась.

– Ну что он в ней нашел? – с недоумением обсуждали люди, когда эти двое поженились. – Неравный брак, и долго он не протянется. Вот увидите, скоро разойдутся!

Но они не разошлись, а стали жить хорошо и дружно. Сначала она работала, а он заканчивал институт. А потом он получил диплом и пошел работать, а она, наоборот, оставила работу, потому что пришла пора родиться их первенцу. А вскоре после первого малыша появился и второй, и пошли у них наследники – один за другим.

– Ну что он в ней нашел? – судачили кумушки им вслед, когда они шли гулять со своими детишками. – Надо же, даже после родов не расцвела, а даже еще больше скукожилась. Ни красы, ни величия… Разве это достойная пара для такого видного мужчины?

А он смотрел на свою жену, как будто она была первой красавицей на земле, и улыбался так, словно выиграл миллион по трамвайному билетику. Это вызывало у окружающих сомнения и недоверие, и все подспудно ждали, когда же у него с глаз пелена спадет, а она все не спадала и не спадала.

С годами он поднялся по карьерной лестнице и достиг немалых успехов в профессии, а она так и осталась скромной домохозяйкой «за мужем», разводила цветы и вязала шапочки и

свитера, гладила ему рубашки и подбирала галстуки, терпеливо обустраивала их общее гнездышко и поддерживала огонь в семейном очаге.

– Ну что он в ней нашел? – не унимались окружающие. – Он такой перспективный, такой креативный, а она… так, бесплатное приложение к мужу. У них же даже общих интересов нет!

Но кто его знает, что это такое – общие интересы? Да, она не бегала стометровку и не умела петь, а он не вышивал гладью и, наверное, не смог бы отличить цикламен от герани, но им все равно было интересно друг с другом, и по прошествии лет он все так же смотрел на свою женушку полными обожания влюбленными глазами.

Но вот она тяжело заболела, а через какое-то время и слегла, и он, возвращаясь с работы, отпускал сиделку и ухаживал за ней преданно и нежно – сам делал ей инъекции и перестилал постель, управлялся по дому и заботился о детях.

– Ну что он в ней нашел? – сокрушались злые языки. – Она уже не встает, не жилица она, и он себя рядом с ней просто похоронил, а ведь все могло быть по-другому!

Но что бы там ни думали себе кумушки-соседки, он и теперь любил подолгу сидеть рядом, читать ей вслух стихи и по-прежнему зачарованно и с любовью смотрел в ее глаза.

А потом она умерла, и ее похоронили. Все ожидали, что он отгорюет положенное время и найдет себе достойную пару. Но он ничего такого не делал – жил, работал, возился с внуками, а по выходным ездил на кладбище – к ней. Он ухаживал за ее могилкой, поливал цветы, насыпал семян для птичек и белочек, а затем ненадолго присаживался на скамейку и подолгу, улыбаясь, смотрел на ее портрет, вот так вот, как и прежде, – глаза в глаза.

– Ну что, что в ней было такого, что ты не можешь ее забыть? – задали ему прямой вопрос. – Вокруг всегда было столько красавиц и умниц, мечтавших о тебе, а ты, кроме нее, никого и не замечал. Многие были умнее, многие образованнее, и уж точно все красивее. Но ты среди миллионов женщин этой планеты выбрал именно ее. Где были твои глаза?

– Мои глаза смотрели в ее глаза, – ответил он, – и в ее глазах я видел волшебные миры и неизученные галактики, которые мне предстояло открыть. Это было путешествие длиною в жизнь, и с ее уходом оно вовсе не закончилось…

* * *

– Мне понравилась история, – произнесла Кошка. – Мягкая, нежная… Мурррррчит!

– Это о настоящей любви, – вздохнула Сирень.

– Совсем другой настрой, – похвалила Звезда. – Возвышенный, романтический и вселяющий надежду.

– Да, кажется, во мне что-то начинает открываться, – сказала Женщина. – Словно цветок раскрывается. Я вообще ощущаю все по-другому. Даже мое одиночество становится каким-то… дружелюбным, что ли?

– Ты, конечно, можешь рассматривать свое одиночество как наказание и трагедию, – сказала Звезда. – А можешь, как возможность для позитивных изменений. Чувствуешь разницу?

– Да, пожалуй. Тем более что времени этого у меня – куча. И днем. И ночью. Особенно – ночью. Там нас двое: я и моя бессонница.

– Бессонница? – удивилась Кошка. – Это непорядок. Сон – лучшее лекарство как для кошек, так и для женщин.

– Снотворное плохо помогает, – доложила Женщина. – Да и не люблю я эти таблетки.

– Правильно делаешь, что не любишь, – одобрила Сирень. – Нужно применять натуральные природные средства, от них вреда не бывает.

– Знаешь их? – с надеждой спросила Женщина.

– Все знают, – сообщила Сирень. – Земля слухами полнится. Вот послушай-ка, что случилось с одной дамочкой и ее бессонницей – ухохочешься!

Усыпляющая сказка

Горбунова не спала – бессонницей мучилась. Вертелась с боку на бок, вздыхала, подушку подтыкала… Считала овец, повторяла таблицу умножения – ничего не помогало.

– Каждую ночь одно и то же! – обреченно подумала Горбунова. – Господи, ну нельзя же постоянно принимать снотворные! Тем более что в последнее время и таблетки не помогают… Так, что бы еще применить для скорейшего засыпания?

Она вроде бы начала погружаться в легкую дрему, но тут где-то неподалеку явственно протрубил горн, и пронзительный голос скомандовал:

– Отряд, паааадъём!!!!

Горбунова подскочила, как ужаленная, и открыла глаза. Тут же они чуть не выскочили из орбит, потому что Горбунова обнаружила себя вовсе не в уютной домашней постели, а в длиннющей казарме, и койки в два яруса уходят в бесконечность…

– Мама! – пискнула Горбунова, щипая себя за руку. Оказалось неожиданно больно.

– На зарядку, на зарядку, на зарядку, на зарядку – становись! – пропел звонкий голос, и Горбунова вспомнила пионерский лагерь, в котором частенько бывала в счастливом социалистическом детстве. Ох, какой же сладкий тогда был сон, и как не хотелось вскакивать, чтобы бежать на зарядку…

– А вам, дамочка, особое приглашение надо? – вывел ее из воспоминаний грозный голос.

Она глянула на его обладателя – и обомлела: над ней возвышался бравый дядька в военной форме, но почему-то с красным пионерским галстуком и атласной пилоткой на коротко стриженной голове. На конце пилотки болталась на витом шнурке смешная желтая кисточка, что очень не вязалось с насупленными бровями и буденовскими усищами.

– Отвернитесь! – вскрикнула Горбунова, вспомнив, что на ней ничего, кроме пижамы. – Как вы смеете! Я не одета!

– На одевание было отведено сорок пять секунд, – гаркнул усатый. – Кто не успел, тот опоздал! И запомните: здесь вам не тут!!! Быстро на построение!

И он, невежливо схватив Горбунову за плечи, задал ей требуемый вектор движения. Она не успела даже сообразить, как реагировать, потому что уже оказалась на плацу, где строились такие же бедолаги. Что это товарищи по несчастью, она определила сразу – видок у них был еще похлеще, чем у нее. Встрепанные, заспанные, растерянные мужчины и женщины, кто в

ночнушке, кто в семейных трусах по колено, кто, как и она, в пижаме, какая-то фигура даже в простыне.

– Строй-ся! – скомандовал все тот же усатый. – Спиной друг к другу в шахматном порядке по диагонали – становись!

Произошла неразбериха и сумятица, народ бестолково суетился, и усатый взревел:

– А-атставить! В шеренгу по одному… Справа налево… На первый-второй рассчитайсь!

– Первый! – звонко выкрикнул правофланговый.

– Второй!

Вскоре строй принял более-менее подобающий вид.

– Животы подтянуть, глаза выкатить! Слушать сюда! – приказал тот, что в пилотке. – Значит так, товарищи курсанты! Я теперь – ваш пионервожатый-старшина, и я вас научу любить и ненавидеть!

– Что-что? – пискнула какая-то старушка в махровом халате. – Я не расслышала – пионервожатый или старшина?

– Повторяю для специально обученных, а также для салаг, – свирепо сдвинул брови тип в форме. – Вы тут все на сборах в спецлагере, где будете проходить курс молодого бойца.

– Какого такого бойца? – нервно спросил тощий тип с темными кругами под глазами.

– Сколько ночей борешься с бессонницей? – ткнул в него пальцем старшина.

– Шестая пошла, – понурился тощий.

– Так вот: биться будем с бессонницей. До полной победы! А сейчас равняйсь! Смирна-а! Слушай вводную и наматывай на ус или губу, в зависимости у кого что имеется в наличии. Значит, так! Вы тут все страдаете хронической бессонницей. А по мне, так дурью маетесь! Потому как сон – нормальное состояние здорового человека. Кто был в армии или в пионерском лагере, те помнят – никакой бессонницы там не водится! После отбоя все спят, как сурки в баобабе! И моя задача – вернуть вас в это естественное состояние! Так что я для вас на период курса – и мама, и папа, и вожатый, и старшина. В нашем военно-пионерском спецлагере вас приведут к общему знаменателю! Так что, товарищи курсанты, крепите свою морально-политическую готовность к предстоящему лагерному сроку!

– Но мне на работу! – не унимался тощий.

– Ты уже доработался до полного нервного истощения. Ну, ничего, скоро ты будешь как штык-молодец – каждую минутку здорового сна ценить на вес золота. А насчет работы, товарищи бойцы, прошу не беспокоиться! Работы вам будет сколько угодно! Видите у забора метлы и грабли? Разобрали быстренько и начали уборку территории!

– Какой территории? – робко уточнил кто-то.

– Вверенной! – рявкнул старшина. – Отсюда и дотуда! В смысле от забора и до обеда!

– А завтрак? – выкрикнул обеспокоенный голос из конца шеренги.

– А завтрак надо еще заработать, – радушно сообщил старшина. – Армия – это борьба: до обеда – с голодом, после обеда – со сном. Жестоко зарубите это себе на носу!

Невесть откуда старшина извлек баян и, усевшись на стул, заиграл детскую песенку «Вместе весело шагать по просторам!». Народ стал опасливо разбирать хозинвентарь.

Горбунова хотела только одного – поскорее проснуться. Потому что тот бред, который ей снился, ей совершенно не нравился! Тут она нечаянно посадила занозу и вскрикнула – было больно. Даже кровь показалась. «Неужели во сне может быть так больно?» – подумала Горбунова, посасывая травмированный палец.

– Почему остановили трудовые будни? – осведомился над самым ухом старшина. – Что вы как кобра гремучая – клюв раскрыли и спите?

– Я не кобра! И я не сплю! – обиженно ответила Горбунова. – Я, между прочим, производственную травму получила!

– Юный пионер – всем ребятам пример, – укоризненно сказал старшина, мгновенно преображаясь в заботливого пионервожатого и вытянув из кармана пинцет, йод и пластырь. – Имейте в виду: если вы начнете портить рабочий инвентарь в виде рук и ног, то это вам чревато боком. Как же вы будете сдавать нормы ГТО?

– Чего сдавать??? – вытаращила глаза Горбунова.

– Беганье, плаванье, лазанье, метание в цель и на скорость. Нормативы «Готов к труду и обороне». Но это после. А пока… Юные пионеры! Сложить оружие – тьфу! то есть инвентарь! – в пирамиды! На заааааавтрак – стрррройся! Шаааагом марш! Песню… запе…вай!

– Вместе весело шагать по просторам, по просторам, по просторам… – дрожащим тенором завел старичок с козлиной бородкой. Остальные нестройно подхватили.

Завтрак был обильный и сытный. Пионервожатый старшина бдительно следил, чтобы съедали все, подчистую.

Горбунова действительно вдруг почувствовала зверский аппетит и с удовольствием умяла все, что полагалось: – вкусную молочную кашу, огромный бутербродище с колбасой, выпила какао и съела яблоко.

После завтрака старшина объявил политзанятия. Всех усадил за парты, выдал тетрадки и велел конспектировать.

– Сон – это единственное занятие, к которому солдат относится добросовестно, – мерно расхаживая по классу, вещал старшина. – Земля вращается вокруг своей оси – это позволяет нам измерять время суток. По команде «отбой» наступает темное время суток. Успеваете записывать? Дневальный должен стоять на тумбочке и подавать сигналы точного времени. В армии встают в шесть утра, независимо от времени суток.

– А если я привык вставать в восемь? Если я не высыпаюсь? – выкрикнул лохматый мужчина.

– Поясняю. Это вы дома не высыпались. Но это исключительно потому, что вы путаете сон с бодрствованием и наоборот.

– А как должно быть? – высунулась Горбунова.

– Я не знаю, как должно быть, но вы делаете неправильно. Я вам распишу весь режим текущего времени как по нотам. Ваша хроническая бессонница разобьется об меня, как о каменную глыбу. На этом наши занятия окончены, все на обед, а потом – дружно на спортплощадку.

Обед, как ни странно, по объему был почти таким же, как завтрак. Только вместо каши – суп, вместо какао – компот, а вместо яблока – банан, и еще салат из свежих овощей. Все легкое, свежее, вкусное.

– А что на второе? – рискнул спросить кто-то.

– А второе будет после обеда, – бодро объявил вожатый. – После сытного обеда по закону Архимеда, чтобы формы удержать, полагается?.

– Поспать? – предположили сразу несколько голосов.

– А вот и не угадали! Полагается бежать! – с удовольствием объявил вожатый. – Кросс, ребятки, кросс! А потом – сдача норм ГТО. Стрррройся!

– Я не буду бегать! – неожиданно для себя взбунтовалась Горбунова. – После обеда полагается сончас! Я помню!

– Сончас, равно как и завтрак, надо еще заработать, – ласково укорил ее вожатый-старшина. – А если вам не нравятся наши сборы, мы вам устроим более другие. Вы у меня смотрите, я когда нормальный, а когда и беспощадный. Алле… гоп! Для штатских напоминаю: команда «алле» выполняется бегом.

И Горбунова, тихо увянув, обреченно потрусила следом за остальными из столовой.

Как сдавали нормы ГТО, она запомнила плохо. «Да что же за сон такой дурацкий? – горько думала она. – И почему я никак не могу проснуться? О господи, когда все это кон-

чится?!» Но сон никак не кончался, и Горбунова, чертыхаясь про себя, наравне со всеми бегала, прыгала, метала и отжималась. Вожатый-старшина, по всему, дело свое знал крепко, и откосить не удалось никому. Наконец, он сжалился и велел строиться на поверку.

– Втянуть животы! Выпятить груди! Подобрать ягодицы! – угрожающе шевеля усами, шел вдоль строя старшина. – Не отряд, а похоронная команда! Тонус вялый, мышца дряблая, взгляд снулый, как у мороженого судака. Нормы едва на троечку с минусом натянули, за редким исключением, которое выступило на двоечку с плюсом. Но я вас подтяну и закреплю, чтобы вы были похожи на строевых пионеров, а не на стадо беременных пингвинов! Вот вы! – ткнул он пальцем в Горбунову. – Как вы себя чувствуете?

– Я себя чувствую, но плохо, – простонала Горбунова, которая последний раз бегала и прыгала еще во времена учебы в институте, то есть ооооочень давно. – У меня все мышцы болят! Вы изверг и садист, и вы за это ответите!

– Ничего-ничего, тяжело в ученье, легко в бою! – благодушно ухмыльнулся старшина. – Тем более что в бою с бессонницей вы до сих пор терпели поражение, но я из вас сделаю бойцов-молодцов, пионеров-ленинцев!

Горбунова мечтала только об одном – рухнуть в постель и дать отдых натруженному телу. Ради этого она была готова стать и бойцом-молодцом, и даже пионером-ленинцем. Но планы старшины были другие и явно не совпадали с ее тайными намерениями. Он погнал всех на водные процедуры, причем время от времени душ самостоятельно переставал подавать горячую воду и плевался холодной, отчего то тут, то там раздавался визг и смех, как будто и впрямь они были дети в пионерском лагере. И Горбунова вдруг с удивлением поняла, что ей даже нравится вот так вот беззаботно плескаться под душем, не зная, что ждет ее дальше. Гадать было бесполезно – в этом безумном сне все шло как попало, но в целом даже весело!

Дальше был ужин, на который подали только овощное рагу, кефир и минералку.

– Безобразие! Это что, еда? – фальцетом закричал нервный мужчина. – Я не наелся! У меня гастрит! Я должен правильно питаться!

– Слушай сюда и запоминай, – поманил его пальцем старшина. – Правильное питание производится по следующей формуле: завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу. Пусть враг, чтоб он был здоров, тратит силы на ночное переваривание! А мы дадим желудку отдых, чтобы он тоже мог как следует выспаться. Ясно?

– А я так не считаю, – заупрямился голодный мужчина. – Вот и врачи высказывают мнение, что…

– Цыц! – беззлобно прикрикнул на него старшина. – По этому вопросу существуют два мнения – одно неправильное, а другое мое. С неправильным вы жили до сих пор. А мое усваивайте по ходу сборов и не тяните резину в долгий ящик. Задача ясна?

– Ясна, – тяжко вздохнул нервный. – Можно я тогда сразу спать лягу? Пока снова не проголодался?

– И я! И я! – раздались робкие голоса с разных сторон.

– Никакого отбоя – в постель только через меня! – сообщил старшина своему сомнительно отужинавшему отряду. – У нас еще культурная программа не охвачена. Так что сейчас все на танцплощадку!

– Куда??? – ужаснулась Горбунова, но благоразумно решила не возникать.

На танцплощадке она вдруг опять развеселилась. В самом деле! Уж если выпала такая возможность – не морочиться завтрашним днем, не думать о работе и о домашних делах, не варить борщ на завтра и не щелкать пультом телевизора, выискивая хоть что-то приличное, так нужно хотя бы удовольствие получить! И она зажигала от всей души! Резвилась, отплясывала, участвовала в конкурсах… В общем, вспомнила молодость. Нервный трижды приглашал ее танцевать и оказался в целом вполне приятным мужчиной, культурным и начитанным. Горбу-

нова от такого внимания даже раскраснелась и от души хохотала над его шутками. Так что, когда музыка перестала играть, ей даже жалко было.

Уже в казарме всем дали выпить по стаканчику какого-то травяного чая, в котором явственно слышались и мелисса, и душица, и мята, и мед, и еще что-то. Чай был вкусный и как-то… успокаивал, что ли? От него впечатления дня мигом улеглись, а по организму разлилось приятное тепло.

…Когда старшина-вожатый наконец-то протрубил на горне «отбой», Горбунова ощутила такую любовь и нежность к суровой казенной койке, что сама удивилась. Душа просила отдыха. И сна. Сна!!! Бессонницы даже на горизонте не наблюдалось. Но программа сегодняшнего дня еще не была исчерпана. Вожатый уселся с баяном посреди казармы (или это все-таки была палата пионерлагеря?), тихонько заиграл что-то задушевное, дождался, когда все улягутся, и заговорил:

– Ну вот и вечер… Можно глубоко вздохнуть… Как это приятно – после такого разнообразного дня вытянуться на коечке, расслабить руки и ноги, распрямить спинку… Ничего не давит на живот, желудок свободен… Травяной чаек согревает, расслабляет, успокаивает… Дышим, дышим полной грудью… Медленно, мерно… Поблагодарим себя за то, что дали телу много движения… Не смотрели ужасов по ящику… Не читали на ночь газетных новостей… Не зависали за компом… Скажем спасибо за то, что не переедали… Не пили кофе… Не выясняли отношений… Не трещали по телефону… Как хорошо было поработать… подвигаться… потанцевать… принять контрастный душ… Как чудесно будет повторить это завтра… Послезавтра… И всегда… Какие приятные воспоминания… Они превратятся в чудесные сны… Восхитительные сны… Сигнал тревоги прозвучит в ноль часов ноль-ноль минут… Вот только неизвестно, утра или вечера… А пока спите… Спите…

– Какой еще сигнал тревоги? – сонно подумала Горбунова. – Я его просто не услышу…

Но она услышала. Когда затрезвонил сигнал, она с сожалением открыла глаза – ей снилось что-то очень спокойное и приятное, из чего и выплывать-то не хотелось. Впрочем, она быстро сообразила, что это звонит будильник.

– Как??? Уже утро??? – удивилась Горбунова. – Так я что, действительно спала? Всю ночь???

По всему выходило, что так оно и было.

– Так это что… сон такой был? – озадачилась Горбунова. – Но какой четкий! И старшина этот… Как живой! С усами!

И вдруг она вспомнила, как во сне стояла под знаменем, сделанным из ее любимой простыни в цветочек, и звонким пионерским голосом давала клятву:

«Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь соблюдать правильный режим питания, много двигаться, физически трудиться, избегать негатива, давать себе приятные впечатления и ощущения и смотреть по ночам чудесные сны! Клянусь!»

– Клянусь! – машинально повторила Горбунова.

Будильник одобрительно звякнул, ухмыльнувшись своим округлым циферблатом со стрелками-усами, словно старшина-вожатый напоследок шепнул ей: «Сон – нормальное состояние здорового человека! Я вас научу любить и ненавидеть!»

– Так точно! Люблю поспать! – с чувством сказала ему Горбунова и помчалась в ванную – под контрастный душ, а потом в жизнь – где больше не было места бессоннице.

* * *

Женщина хохотала. Искренне, от души. До слез.

– Давно так не смеялась, – сообщила она. – Оказывается, жизнь-то продолжается! Это я из нее немножечко выпала. Но теперь я в нее обратно впаду.

– Мгммм, лучше впадать в жизнь, чем в депрессию, – промурлыкала Кошка.

– Рада, что понравилось, – застенчиво дохнула нежным ароматом Сирень.

– О! Наконец-то в глазах появился свет, – отметила Звезда. – А то я стараюсь, стараюсь, а там все тускло. Но вот теперь – хорошо. Тело начало подавать признаки жизни.

– Да, но в бессоннице был определенный положительный момент! – спохватилась Женщина. – Она дарила мне много времени. А если я буду сладко спать по восемь часов в сутки, у меня почти не останется времени на все остальное!

– Ну, вот уж ни за что не поверю, – возразила Звезда. – Время не добывается на рудниках и не продается в магазинах, оно есть у всех, просто научись им правильно распоряжаться.

– История! История! У меня есть история! – залопотала Сирень. – Очень увлекательная история про Время!

Временные трудности

Со мной стали происходить совершенно странные, необъяснимые вещи. Мне вдруг перестало хватать времени. Вот только что его было до фига, и дни иной раз тянулись долго и нудно, как осенняя слякоть. А тут вдруг – раз! – и не стало. Не успеешь утром проснуться – уже ночь приближается, а я еще столько не успела сделать!!! Вот если бы в сутках было двадцать восемь часов! Или даже тридцать шесть!

А потом – и того хлеще: все мои часы словно взбесились. Они стали показывать разное время, останавливаться, ломаться, спешить и отставать, из-за чего я сама сделалась совершенно не пунктуальной. Дольше всех держались большие настенные часы, но однажды и они присоединились к общей неразберихе: я с изумлением увидела, что минутная стрелка на них дернулась, подумала немного и пошла в обратную сторону. В общем, время взбунтовалось.

– Женечка, что делать? – набрала я номер своей лучшей подруги. – Это же ужас какой-то! Ни одних правильных часов в доме! Живу в каком-то безвременье! Мне на работе уже замечание объявили!

– Погоди! Я сейчас примчусь, и все расскажешь! – тут же отозвалась падкая до сенсаций Женька.

Мы живем неподалеку, минутах в пятнадцати ходьбы. Но Женька появилась в рекордно короткие сроки, по-моему, практически мгновенно. Хотя я могла и ошибаться – правильное ощущение времени у меня уже давно потерялось.

– Рассказывай! – выпалила Женька, стаскивая сапоги.

Я даже удивилась: обычно она сначала требует чаю с пирожными, за чаем вываливает на меня целый ворох своих новостей (Женька журналист, и новостей у нее всегда много), а уж потом слушает меня. Но сейчас она пребывала в непонятном возбуждении, аж глаза горели.

– Жень, ты сама глянь – все часы или стоят, или показывают разное время, – сказала я.

– А починить? – тут же отреагировала Женька.

– Да я в часовую мастерскую хожу как на работу! Вроде починят – а они опять… – расстроенно ответила я, безуспешно пытаясь завести мой любимый будильник.

– Не мучай механизм, – отобрала у меня будильник Женька. – Я знаю, куда ты попала, подруга.

– Я попала, это точно, – с тяжелым вздохом признала я.

– Это у тебя временные трудности! – объявила Женька.

– Ничего себе временные! Нет ничего более постоянного, чем такое «временное», – тяжко вздохнула я.

– Я знаю, в чем тут дело, – загадочно сверкнула хитрыми глазищами Женька.

– Ну так говори!

– Давай чаю и пирожных, а я тебе выложу всю инфу в лучшем виде! – сказала Женька, просачиваясь на кухню.

Инфа оказалась неожиданной. Оказывается, пронырливая Женька, собирающая материал для своих статей и заметок повсюду, обратила внимание на то, что люди стали часто жаловаться на время. «Нехватка времени» стала звучать как диагноз, вроде «почечной недостаточности» или «вегетососудистой дистонии». Истории со спешащими, стоящими и отстающими часами Женька слышала то тут, то там. Заинтересовавшись, она провела собственное журналистское расследование, пробежавшись и по часовым мастерским.

– И я познакомилась с таким невероятным мастером, что просто улёт! – азартно докладывала Женька, пихая в рот очередное пирожное. – Мастер Цейтнот, слышала?

– Не знаю, я в мастерской возле работы часы чиню. И фамилий не спрашиваю.

– Нет, это совсем в другом месте. Давай, собирай свои часы в кучу – сейчас допью, и поедем.

Мастер Цейтнот жил в таком медвежьем углу, куда я отродясь не заглядывала. На самой окраине города, в двухэтажном доме типа «барак», который отлично вписался бы в любой фильм ужасов.

– Жень, ты уверена? – опасливо спросила я, озираясь по сторонам.

– Уверена-уверена, – ответила Женька. – Это такой человечище!!! Не пожалеешь.

«Человечище» со смешной фамилией Цейтнот жил на втором этаже. Дверь, обитая потрескавшейся клеенкой, меня окончательно удручила. Ну что там может быть, за такой убогой дверью?

Но за дверью оказался совершенно сказочный мир. В этом мире везде были часы. Даже в прихожей. Большие и маленькие, с циферблатами разной формы, с гирьками и маятниками, с электронными дисплеями и кукушками… Меня как-то успокоило, что они тоже показывали разное время. Прямо как дома себя почувствовала!

В этом разновременье я не сразу сообразила, что Женька давно что-то вещает и, оказывается, знакомит меня с хозяином.

– Мастер Цейтнот, – представился он, пожимая мне руку.

Я сделала усилие и сфокусировала зрение. «Человечище» оказался маленьким, сухоньким мужчиной неопределенных лет. Может, сорок пять, а может, и все семьдесят – как-то так он выглядел, непонятно. И ростиком мне едва до уха, а я, между прочим, сама достаточно плюгавая…

– Я смотрю, вам интересно? – приветливо спросил он, поведя рукой в пространство.

– Еще как, – призналась я. – Никогда не видела столько часов в одном месте.

– Да, у меня действительно много времени, – с удовольствием сказал он. – И я с удовольствием уделю часть его вам, милые барышни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.